

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Стихотворное БЕДСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Ирина Мельникова
Стихийное бедствие

«ЭКСМО»

2002

Мельникова И. А.

Стихийное бедствие / И. А. Мельникова — «Эксмо», 2002

Телеведущая Ксения Остроумова приехала в небольшую азиатскую республику собрать материал для своей новой передачи. Ей обещали встречу с президентом, но обманули. Поездка явно не задалась: передача не получилась, вылет в Москву отложили, ребята из ее группы как сквозь землю провалились... Бывший разведчик Максим Богуш только что установил охранную систему в президентском дворце и понимал – ему будет непросто покинуть республику, ведь он слишком много знает. Вечером в баре гостиницы он увидел потрясающе красивую женщину. Они ушли вместе и провели незабываемую ночь. Но утром незнакомка исчезла, так и не назвав Максиму своего имени...

© Мельникова И. А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	47
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ирина Мельникова

Стихийное бедствие

Александру Бушкову – с признательностью

Все происходящее в романе – плод авторской фантазии, возможные совпадения с реальными событиями и людьми абсолютно случайны.

Пролог

Ксения сладко потянулась и неожиданно для себя рассмеялась. Похоже, хандра, обуявшая ее после нескольких очевидных проколов и нудных разборок с начальством, наконец оставила Ксению в покое.

Она подпрыгнула несколько раз на месте. Когда-то в детстве ей казалось, что так она быстрее подрастет, теперь же просто проверила эластичность мышц. Сделав пару энергичных взмахов руками, спрыгнула с крыльца, минуя ступеньки. И отметила про себя, что для своих сорока проделала это не менее лихо, чем ее Катька.

Запрокинув голову, Ксения посмотрела на окна мансарды, где спала ее восемнадцатилетняя дочь, Екатерина Афанасьевна Остроумова, вернувшаяся с деревенской дискотеки далеко за полночь. И, судя по количеству децибел, свалившихся среди ночи на уши ее бедной матери и бабушки, давно привыкшей к внучкиным проделкам, Катьку провожало не меньше десятка местных кавалеров на своих давно забывших о глушителях, рычащих и плюющихся выхлопными газами механических чудовищах о двух колесах.

Несмотря на прерванный сон и небольшой воспитательный скандал с Катькой, Ксения не изменила давней привычке и поднялась до восхода солнца, чтобы пробежаться по уходящей круто в гору лесной тропе. Та начиналась сразу за огородами, примыкавшими к забору дачи, резво взбегала на песчаный увал, с которого открывался удивительный вид на заречные луга, редкие перелески и вырастающие прямо из облаков далекие громады гор.

Ксения оглянулась на стену соснового бора за спиной.

Он окружал село с трех сторон, и сейчас верхушки деревьев розовели в лучах восходящего солнца. Где-то, в самой глубине леса, робко и глуховато прокуковала кукушка. Вслед ей негодуяще прокричала сорока и, снявшись с куста, ринулась с увала вниз к огородам, где уже виднелись спины неугомонных соседей, решивших до того, как день разгуляется, выполоть первые сорняки на грядках.

Ксения вдохнула полной грудью свежий, настоящий на молодых травах воздух. Кожа на обнаженных до локтя руках покраснела от утреннего холодка. А стоило ей остановиться, он тут же пробрался под футболку и точно ожег кожу. Ксения зябко поежилась и, чтобы согреться, ускорила шаг.

Хорошо натопанная, усыпанная сухой хвоей тропа вилась меж прямых, как свечки, сосен. Первые солнечные лучи едва пробивались сквозь густой подлесок, словно язычки пламени мелькали в траве марьины коренья и редкие куртины жарков – до них еще не добрались жадные руки ребятни, всю торговую цветами на автобусной остановке и вдоль трассы. Надо сказать, что цветочная продукция шла нарасхват. Ксения тоже иногда покупала букетики стиснутых в плотный пучок цветов.

Но то были незабудки. Ксения освобождала их от стянувшей стебли резинки, расправляла и опускала в широкую вазу, так что цветы почти плавали в воде. Крошечные капельки бирюзы, окаймленные зеленью листьев, были чудо как хороши на фоне белоснежной скатерти.

Незабудки Ксения любила с детства. По весне стоило только пригреть солнцу, как пойменные луга затягивало нежной голубизной. Девушки плели из них венки на Троицу и в ночь на Ивана Купалу, а потом опускали на воду, чтобы узнать, сбудутся ли их тайные мечты о счастье. Венки уплывали, а вслед за ними уплывали и терялись вдали робкие девчоночьи надежды. И все равно школьницей Ксения исправно собирала незабудки, и плела венки, и мечтала... слишком много мечтала, чтобы этому суждено было сбыться. Но незабудки всегда стояли на ее письменном столе с самой весны до первых осенних заморозков. Не подснежники, не жарки, не ромашки, а именно незабудки – скромный подарок сибирского лета.

Ксения присела на низенький пенек и вытянула вперед руку с кедровыми орехами на ладони. Тотчас крупная рыжевато-пепельная белка скользнула вниз по стволу ближайшей сосны. Оказавшись на земле, она смело приблизилась к руке и, ловко подхватывая передними лапками с ладони Ксении орехи, принялась запихивать их за щеку. За этим занятием зверек не забывал то и дело поглядывать в сторону дерева. И вскоре двое бельчат вслед за мамашей приблизились к пеньку и суетливо забегали неподалеку, выказывая тихим свистом возбуждение от предчувствия близкого завтрака.

Женщина протянула ладонь в их сторону. Бельчата тут же отскочили в сторону, замерли в настороженной стойке с поднятыми вверх головками, испуганно поблескивая глазенками-бусинками. Тогда Ксения поднялась с пенька и высыпала на него остатки орехов.

Белка в компании со своим потомством тут же юркнула в траву. Ксения засмеялась. Все равно вернутся, и через секунду после ее ухода на пеньке даже запаха орехов не останется.

Она пошла в гору чуть медленнее – начался самый крутой участок подъема. Здесь тропу, словно вздувшиеся вены, пересекали корни сосен, более разлапистых и коренастых, чем те, что росли у подножия увала.

Перепрыгивая через корни и редкие камни, Ксения одновременно считала пульс. Хорошо, уже не зашкаливает за сотню ударов в минуту, как в старые добрые времена, а бьется в режиме девяноста. А если учесть, что сегодня она двигалась в более быстром темпе, чем неделю назад, сразу после возвращения в Григорьевку, то и отлично! Здесь, на берегу Енисея, рядом со старыми крайкомовскими дачами, вознеслась «Сиротская слобода» – целый городок богатых особняков, на фоне которых добротная двухэтажная дача ее матери – Клавдии Михайловны Потехиной, бывшего председателя партийной комиссии крайкома партии, смотрелась, по словам хозяйки, не иначе как хижинкой дяди Тома.

На жалобы Клавдии Михайловны по поводу убогости своего жилища, которое она по привычке называла «дачей», ни Ксения, ни Катька внимания не обращали. Дочь – по причине нечастых приездов домой, когда особо нуждалась в отдыхе и тишине. Внучка редкие визиты бабушкиных друзей полностью компенсировала за счет собственных – громкоголосых молодых людей с непомерными амбициями и длинноногих девиц со слабым намеком на интеллект...

Задумавшись, Ксения не заметила, как тропа взлетела на вершину и затерялась среди камней, покрытых розовым ковром из цветущего чабреца. Здесь она обычно сбрасывала футболку и делала зарядку, совершенно не заботясь о том, что кто-то увидит ее обнаженной. «Сиротская слобода» спала чуть ли не до полудня, и за все время пребывания в Григорьевке Ксения так и не увидела никого из местных обитателей в этот час на тропе, которую давным-давно избрала для пеших прогулок.

Утренние процедуры обычно заканчивались умыванием в ручье, берущем свое начало где-то в камнях.

Противоположная сторона увала была более пологой и менее лесистой. Она заросла мелким кустарником и была загромождена плитами желтого песчаника. Их Ксения перемахивала на бегу, надеясь, что со стороны это выглядит достаточно грациозно. Профессиональная привычка постоянно видеть себя глазами других частенько мешала ей наслаждаться жизнью в полной мере. Но, с другой стороны, жесткий контроль за внешностью и эмоциями позволял ей чувствовать себя чуть ли не ровесницей дочери. По крайней мере, в ее майки и джинсы Ксения влезла бы без особых осложнений, не будь Катерина на добрую голову выше своей мамы.

Хорошее настроение превращалось в отличное. Представив на секунду физиономию продюсера своей программы, Ксения раскрутила над головой майку и, расхохотавшись, прибавила скорости. Видел бы Егор, как она мчится по склону с голой грудью и в едва заметных на загоревшем до черноты теле трусиках! Ей захотелось крикнуть во весь голос что-нибудь веселое, лихое, и она ничуть не удивилась возникшему вдруг восторгу. Просто сегодня ей приснился удивительный сон.

Она не помнила его, только чувствовала отчего-то необыкновенное счастье. Это ощущение так долго не посещало ее! Видно, особых причин для его визитов не было.

Майка внезапно зацепилась за куст, и Ксения едва не растянулась на камнях, успев представить, сколько ссадин и синяков продемонстрирует в первую же ночь Егору. За три дня, оставшихся от отпуска, они только-только расцветут во всей красе.

Она выругалась и потянула майку на себя. Та не поддавалась, а рвануть сильнее значило оставить на шипах боярышника большую часть своего утреннего наряда.

Ругаясь, теперь уже шепотом, Ксения полезла в самую гущу кустарника и принялась осторожно снимать зацепившийся рукав футболки с колючек. Об одну из них она не преминула уколоть палец и, слизнув с него капельку крови, подумала, что даже эта мелкая неприятность не способна испортить ей настроение.

Но новое испытание в виде звука раздавшихся за спиной шагов заставило Ксению застыть на месте от ужаса. Человек поднимался снизу, из легкого облака тумана, нависшего над ложбиной, отделявшей увал от села. Вернее, он бежал вверх по склону, что-то насвистывая себе под нос и перепрыгивая с камня на камень, точь-в-точь как Ксения за пару минут до этого.

«О, Матерь Божья! – подумала она, притягивая к себе футболку и пытаясь хоть как-то прикрыть грудь. – Кого тут носит в такую рань?»

Повернувшись спиной к тропе, она молила бога, чтобы человек пробежал мимо, не заметив ее.

Она всегда боялась нелепых ситуаций и вовсе не желала оказаться жертвой насмешек или злорадных ухмылок.

Но мужчина, похоже, уже притормозил за ее спиной, и она не выдержала, оглянулась, изо всех сил презирая себя за робкую, почти заискивающую улыбку, которую ей так и не удалось согнать с лица.

– Физкультпривет! – неожиданно для себя проблеяла она.

Но мужчина не ответил, лишь молча окинул ее равнодушным взглядом, вытер висевшим на шее полотенцем пот с лица. И, не проронив ни слова, помчался дальше по тропе.

Ксения с остервенением дернула футболку, оставила часть рукава колючкам, остальное напаялила на себя. Ее трясло от злости. И вовсе не оттого, что предстала перед незнакомцем в нелепом виде, а потому, что впервые в жизни не увидела в мужских глазах восхищения. Хоть бы пошутил над ее растерянностью, пусть даже самым неприличным образом. Такое она бы перенесла и ответить сумела бы нужным образом! Но этот негодяй, похоже, через пару метров уже забыл о ее существовании. Иначе бы оглянулся, и не один раз, как делали все мужчины, которых она встречала в жизни, даже случайные прохожие, даже нищие в метро...

Сердито бормоча себе под нос ругательства, Ксения быстрым шагом спустилась к мостику через ручей, который превратился на дне ложбины в неширокую, но бурную речушку.

И уже через четверть часа поднималась на крыльцо веранды, только тогда осознав, что совершенно не помнит лица невежи, который даже поздороваться не соизволил. Лучше всего она запомнила его спину, загорелую и мускулистую. Именно такие спины она терпеть не могла.

Было что-то нарочито искусственное в этих, словно из анатомического атласа, рельефно выступавших и перекатывавшихся под кожей мышцах. «Наверняка местный тупой качок, – подумала она с удовлетворением и мстительно добавила, про себя естественно: – К тому же, как и вся эта братия, импотент!» Хотя интуиция ей подсказывала, что с последним определением она несколько поторопилась.

Ксения нагнулась и подняла со ступенек слегка увядший букет полевых цветов, усмехнулась. Кто-то из Каткиных кавалеров расстарался. Налив воды в вазу, она поставила в нее цветы и присела на веранде в плетеное кресло, позволив себе минутную передышку перед тем, как отправиться в душ.

Какое-то странное чувство не давало ей покоя с первого момента встречи с незнакомцем. Оно тревожило ее и мешало сосредоточиться.

Ксения попыталась расслабиться и перевести мысли в другое русло. Она выглянула в окно. Крупный, с обмороженными ушами и круглой сытой физиономией кот по кличке Сенька сидел на крыше беседки и безмятежно шурился на солнце. Всем своим видом он демонстрировал лень и полное равнодушие к окружавшей его действительности. Но как-то раз Ксении удалось наблюдать, как он охотился на воробьев, сбивая их на лету лапой. Поэтому об умении Сеньки прикидываться простачком и чуть ли не инвалидом в угоду инстинктам она знала не понаслышке.

– Ксюша, завтракать будешь? – подала голос из своей спальни Клавдия Михайловна. – Пирожки на кухне, под полотенцем...

– Хорошо, мама, обязательно позавтракаю, но чуть позже, – отозвалась дочь.

Она хотела добавить, что будет сегодня работать над сценарием до наступления жары, но не успела. Кот потянулся, демонстрируя черную, как антрацит, спину. Мелькнула белая манишка, и Ксения вдруг подавилась словами.

Она вспомнила, что обеспокоило и поразило ее в облике незнакомца – белая прядь на фоне темных, очень коротко стриженных волос...

Глава 1

После захода солнца жара по-прежнему была невыносимой. О кондиционерах здесь, видно, не слышали, а старый вентилятор, подвешенный к потолку, просто гонял горячий сухой воздух по комнате, отчего обслуга и немногочисленные посетители бара чувствовали себя одинаково плохо. Даже вездесущие мухи отупели от жары и не летали, а вяло плюхались с потолка прямо в бокалы с пивом и вином. А те, что вздумали полетать, натыкались на стены и падали на пол в коматозном состоянии.

Их мрачное жужжание было под стать местным заунывным мелодиям и очень соответствовало ее гнусному от усталости и жары настроению.

Ей безумно хотелось минеральной воды с ломтиком лимона, пронзительно холодной – чтобы ломило зубы. Но вместо этого приходилось довольствоваться смахивавшей по вкусу на жидкое мыло пепси-колой. И даже сдобренная коньяком, она категорически не хотела улучшать свой вкус. Коньяк был «самопалом», как и остальные напитки в баре, которые ребятам ее съемочной группы удалось перепробовать за неделю пребывания в Ашкене.

Еще ей хотелось прохладную ванну с шалфеем или лавандой, удобный матрас и белоснежные простыни... Но все это осталось за тысячу километров, в далекой московской квартире. А здесь ее ждала еще одна жуткая ночь в ашкенской гостинице «Мургаб».

В этой крошечной, едва заметной на карте горной стране и в былые-то времена жилось несладко. Лет десять назад Ксения останавливалась в этой гостинице, и уже тогда ее поразили грязь и убогость номеров. Сейчас все изменилось, только в худшую сторону. Конечно, можно пережить и ветхие полотенца, которые выдают в единственном экземпляре, и падавшую на постель штукатурку, и отсутствие пары стекол в оконной раме, и тонкую ржавую струйку воды, и горевшие откровенной ненавистью взгляды горничных...

Но больше всего Ксению раздражало, что в Ашкене в одночасье «забыли» русский язык, и со всеми, даже с чиновниками, приходилось объясняться на дикой смеси местного диалекта, русского мата и нескольких английских фраз вроде «о'кей!» и «ноу проблем!».

Оператору Володе и Олегу, режиссеру ее авторской программы «Личное мнение», было искренне наплевать и на грязные простыни, и на мрачные физиономии прислуги. Им было с чем сравнивать. Целый месяц они провели на Ближнем Востоке, правда, в команде с другим тележурналистом, ее сотоварищем по программе Сережей Кунцевым. Ее же Егор попросил не беспокоиться, объяснив, что Интифада не для нежной женской психики. Ксения обиделась, пыталась возразить, но ее, в порядке компенсации, отправили во Францию на Всемирную выставку, где она чуть было не влюбилась в английского журналиста с труднопроизносимой фамилией Никлдортер. Но любовь расстроилась не начавшись, потому что Ксению спешно затребовала Москва. Всенародно избранный на второй срок президент маленького Баджустана, столицей которого и был Ашкен, дал согласие на съемки фильма о его республике, но при условии, что этим займется Ксения Остроумова, дочь его бывшей однокурсницы по ВПШ.

Конечно, все прекрасно понимали, что в нищей, разоренной бесконечными междоусобными войнами и правительственными переворотами мусульманской стране вряд ли позволят снимать то, что заблагорассудится приглашенным телевизионщикам. Но Ксения помнила дядю Фархата, веселого, толстого, усатого. Помнила, как хотя бы раз в год он обязательно заваливался к ним домой с парой огромных дынь под мышкой и с корзиной винограда, гранатами и таявшими от одного прикосновения языка медовыми грушами. Поэтому и согласилась на эту predetermined неудачу, лишь самую малость надеясь на то, что дядя Фархат остался прежним – громкоголосым и шумным, теперь уже бывшим секретарем обкома, который смеялся по поводу и без повода, дарил матери шитые золотом парчовые халаты, а Ксюше – очередную тубетейку, тапочки с причудливо загнутыми носками или затейливые серебряные браслеты в

виде змеи и вытянувшегося в прыжке барса. Благодаря ему она полюбила серебро и с тех пор предпочитала его другим благородным металлам.

Она не видела дядю Фархата восемь лет и вряд ли бы узнала, если бы прямо с аэродрома всю их группу не привезли прямо во дворец, чтобы представить президенту Фархату Арипову...

Ксения, сильно переживавшая из-за слипшихся от жары волос, превративших прическу непонятно во что, и промокшей от пота майки, была приятно удивлена приглашением принять ванну и переодеться, прежде чем предстать пред ясны очи дяди Фархата.

Володя и Олег по ее примеру называли Арипова «дядей» и были несказанно удивлены, когда их к президенту не допустили, а велели дожидаться Ксению в одной из комнат в компании двух бритоголовых телохранителей в европейских костюмах и с японскими рациями в руках. Таким образом власть Баджустана давала понять, что хотя российских журналистов и пригласили в республику, но делать, то есть снимать, позволяют только то, что позволяют.

Во-первых, к ним сразу приставили охрану и переводчика Керима, который каждый вечер, не стесняясь, заявлял о необходимости сбросить объективку по итогам дня и избавлял их на некоторое время от своего назойливого внимания.

Во-вторых, им не позволили отправиться в горы для встречи с лидером оппозиции Сулейменом Рахимовым, хотя этот пункт был неременным условием договора. Иначе руководство телекомпании не дало бы согласия на поездку съемочной группы в Баджустан. Им просто сказали, что Рахимов, кажется, погиб недавно в горах, и, кажется, при сходе лавины...

В-третьих, им разрешили проводить съемки только по заранее утвержденному президентской администрацией плану, отступать от которого было нельзя.

Кроме переводчика, съемочную группу всегда сопровождал кто-нибудь из пресс-службы, телохранители и еще один совсем уж незаметный человечек с острыми рысьими глазками. Он выступал в роли грузчика, но почему-то носил под курткой оперативную кобуру, и наверняка не с газовым пистолетом.

– Шаг влево – побег, шаг вправо – расстрел! – мрачно пошутил оператор, когда их ознакомили с правилами пребывания на территории суверенного государства Баджустан.

– А прыжок – провокация, – уныло добавил Олег.

Но Ксении было не до шуток. Командировка заканчивалась, отснятый материал был откровенной туфтой. Она представляла, с каким недоумением посмотрят на нее Егор и генеральный продюсер телекомпании Савва Крычев и как обрадуются ее проколу явные и тайные недоброжелатели.

«Личное мнение» и так держалось всего лишь на слове Егора и авторитете Ксении. И никому не было дела, каким образом она будет поднимать рейтинг своей программы. Баджустан мог вознести ее на вершину успеха, как Сережу Кунцева – Ближний Восток. Но судьба-злодейка в очередной раз сыграла злую шутку, и даже близкое знакомство с Фархатом Ариповым не помогло Ксении сделать искренний и правдивый фильм о событиях в Баджустане. Ей просто не позволили быть искренней и правдивой.

Конечно, они видели и снимали восстановленные школы, бившие в центре города фонтаны, заваленные продуктами магазины, абитуриентов местного университета. Но более всего запечатлели на пленке самого президента. Фархат Арипов был повсюду: то он беседовал с аксакалами из далекого аула, то красовался в кадре верхом на горячем аргамаке, а то лично поздравлял молодоженов или сажал дерево при закладке парка своего имени...

А ведь был и другой Баджустан, где расстреливали или забивали до смерти камнями без суда и следствия за любое проявление инакомыслия, где женщины вновь надели паранджу, где героин в открытую меняли на муку и сахар, где родители вынуждены были продавать старшего ребенка в рабство, чтобы прокормить остальных мал мала меньше. И десятилетнюю девочку

видели, которую отдали четвертой женой местному криминальному авторитету, только что с небывалым даже для Средней Азии размахом отпраздновавшему свое шестидесятилетие...

Ксения прекрасно понимала, что фильм окажется полнейшим дерьмом и у нее будут крупные неприятности с руководством, но что-то изменить было не в ее силах. И она махнула на все рукой, предоставив событиям идти своим чередом.

Уже несколько дней она опасалась, как бы не отменили рейс на Москву – что в конце концов и случилось. Конечно, ее товарищи по несчастью были настроены более оптимистично и надеялись вылететь завтра утром, поэтому отправились на рынок запастись дынями и виноградом, которые стоили здесь копейки. Причем торг шел на рубли или доллары, а местная валюта не котировалась даже у нищих, просивших милостыню в каждой подворотне.

Закрыв глаза, Ксения отчаянно боролась с захлестнувшей ее волной безысходности, грозившей перерасти в депрессию. «Ну и денек!» – подумала она с тоской и сжала виски ладонями. Двенадцать часов просидеть в аэропорту в ужасных, почти невыносимых условиях, чтобы услышать, что рейс на Москву, назначенный на утро, отменяется вовсе. А когда ребята попробовали забрать свой багаж, им сообщили, что его по ошибке погрузили на другой самолет и теперь никто на свете не знает, где его искать.

После этого она совсем озверела, но Володя мягко и спокойно посоветовал ей не кипятиться, сообщив, что подобные проделки вполне в духе азиатов. На самом деле багаж никуда не исчез, просто спецслужбы не успели его досмотреть как следует. Но через час-полтора все встанет на свои места: багаж отыщется в целости и сохранности, а если и нет, то жалеть о паре трусов и маек особо нечего, потому что отснятые кассеты и камера с ними, а это главное.

Завершив успокоительную беседу, мужчины со спокойной совестью отправились на рынок, а Ксения решила дожидаться их в аэропорту. Через два часа она оставила для коллег ругательную записку в справочном бюро и, с трудом поймав такси, поехала в гостиницу. Было поздно, магазины и мелкие лавочки уже закрылись – в этих местах рано темнело, и в городе с восьми часов вечера действовал комендантский час.

Ксения даже не сумела купить смену белья, чтобы переодеться. Единственный выход, подумала она уныло, постирать белье самой в номере, если, конечно, будет вода...

Вздыхнув, она решила, что пора уже прекращать сидеть и просто так напиваться. Надо уносить ноги, пока окончательно не стемнело. На эту мысль ее натолкнули откровенно наглые взгляды немногочисленных посетителей бара. Поначалу они не слишком ее беспокоили, потому что бармен знал, кто она такая, и местным орлам пришлось бы иметь дело с охранниками гостиницы. А они четко знали свои обязанности и выполняли их с откровенным удовольствием, особенно по части физического воздействия на не понравившиеся им физиономии.

Но сейчас другое дело. Она еще не сняла номер, да и командировка уже закончилась, так что бармен вполне мог посчитать ее птицей свободного полета и не обратить внимания на приставания местных красавчиков.

И нужно еще найти силы, чтобы встать, пройти через внутренний дворик в бюро размещения и заказать номер не только для себя, но и на ребят, которые могли вернуться с минуты на минуту. Как знать, может, и в этой новой комнате она опять встретится с тем же огромным тараканом, что жил с ней по соседству все ее командировочное время. Она даже пыталась его дрессировать, и кое-что получалось. По крайней мере, стоило ей постучать по столешнице, как таракан быстро выползал из щели в стене, приподнимался на задних лапках и приветственно шевелил усиками. Она подкармливала его крошками, пока Олег не убедил ее отказаться от такого альтруизма.

– Смотри, как бы он не привел на халяву всех своих друзей и знакомых. Гуманитарная помощь развращает, – изрек он назидательно, – а что касается тараканов, это вообще превращается в преступную акцию! Их надо давить, а не подкармливать!

Но все-таки это было живое существо. Ксения могла даже пожаловаться ему на кое-какие печальные обстоятельства своей женской доли и одиночество. Ксения кисло улыбнулась и допила коктейль. И неожиданно для себя – всю жизнь была сдержанной в том, что касается алкоголя, – заказала еще. Нужно ведь где-то черпать силы для предстоящей встречи с угрюмым администратором!

– Двойной, пожалуйста, – бросила она официанту, удивляясь собственной лихости.

– О, я вижу, наши напитки пришлись вам по вкусу, – почти без акцента произнес по-русски толстощекий бармен и улыбнулся ей. Что, впрочем, не доставило Ксении никакого удовольствия.

– Ну, если честно, мне совершенно безразлично... – решила она поплакаться, но бармен уже отошел к другому посетителю.

Ксения постаралась сосредоточиться на мысли о том, что ребята так задерживаются по какой-то уважительной причине. «Возможно, решают проблему с утерянным багажом», – промелькнула вялая мысль, но это нисколько ее не обеспокоило. Она попыталась представить скорую встречу с Егором.

Наверняка он сначала затащит ее в постель, а потом уж начнет расспрашивать о поездке. Ксения невесело хмыкнула и закрыла глаза, отгоняя видение скользкого потного тела, которое навалится на нее, вдавит в матрац... Ее передернуло от внезапно нахлынувшего отвращения, но Ксения тут же заверила себя, что это первые признаки депрессии. В принципе ей было совсем неплохо с Егором, конечно, когда он бывал трезв...

– Добавить еще? – Голос бармена прозвучал прямо над ухом.

Он все-таки заметил, что Ксения выпила и второй бокал...

Разумеется, на этом надо остановиться. Никогда в жизни она не пила столь много за один вечер. Но что оставалось делать? Идти в убогий номер и, запершись в нем, созерцать грязные обои и давно не отремонтированный потолок? Или тупо уставиться в экран старого черно-белого телевизора и смотреть передачи местного телевидения, не понимая ни бельмеса? Или заново прокрутить в голове отснятый материал и еще раз убедиться, что дядя Фархат, этот строитель демократического общества, безбожно ее надул, утверждая, что предоставит полную свободу выбора объектов для съемок? Нет, такие мысли только усугубят ее и без того отвратительное настроение, лучше хоть на время отключиться от проблем.

– Да, пожалуй, еще один бокал, – решительно кивнула Ксения.

Она почувствовала, как тонкий трикотаж майки прилипает к телу, а на лбу выступают капельки пота.

Духота становилась поистине адской. Достав из кармана брюк носовой платок, Ксения прижала его ко лбу. «Странно, – подумала она. – Я никогда не потела так сильно...» Впрочем, ее не зря называли «Леди Совершенство». Ксения никогда бы не позволила себе появиться в обществе плохо причесанной, небрежно одетой. И за это, как ей казалось, ее недолюбливали приятельницы и жены коллег.

Конечно, нельзя сказать, что они ее постоянно критиковали, скорее это можно было отнести к матери и Катьке, да еще к некоторым маминым друзьям, которые считали своим долгом постоянно напоминать ей о высоком предназначении журналиста, призванного сеять доброе, светлое, вечное, и предупреждать об искушениях и соблазнах божественной жизни, которую, по их стойкому убеждению, она вела.

Но в среде, где она вращалась без малого два десятка лет, мало кому нравился ее независимый характер и самостоятельность суждений. Отсюда и шуточки о ее дипломе с отличием, необыкновенной работоспособности и упорстве в достижении цели. А завистливые перешептывания об утонченной, даже изысканной внешности, стильных нарядах – этого хватало с лихвой, чтобы большая часть ее знакомых относилась к ней с заметной прохладцей, если не сказать с отчуждением.

И сейчас, сидя в дешевом баре, в богом забытой республике, на самом краю бывшей великой империи, Ксения вдруг ясно поняла, что, хотя у нее куча друзей, один из самых богатых и влиятельных в Москве любовников, блестящие перспективы в карьере и в личной жизни, а вот позвонить, чтобы рассказать, как ей одиноко и тоскливо, – некому. Ни одного по-настоящему близкого человека... На всем белом свете...

В свои сорок лет здоровая, состоятельная, сделавшая блестящую карьеру на телевидении Ксения Остроумова чувствовала себя маленьким одиноким щенком, скулившим от полной безнадеги на крошечном островке посреди бурного потока, когда тебя вот-вот смоем волной и потянет на дно, и не найдется ни одной руки, чтобы схватить за шиворот и вытянуть на поверхность.

Все больше впадая в отчаяние, она автоматически потягивала теплую пепси-колу с дешевым коньяком, чувствуя себя совершенно измученной и опустошенной.

Что с ней случилось? Почему она вдруг потеряла над собой контроль и так непозволительно расслабилась? Наверняка жара виновата... Но пора уже успокоиться и прекратить изображать слюнявую дуру. Слава богу, что она пришла в себя до возвращения своей съемочной группы. Что бы ребята подумали, увидев ее здесь, в этом жалком гадючнике, безобразно потеющую, пьяную, в отвратительном настроении, по уши погрязшую в жалости к собственной персоне?

Она никогда еще не позволяла себе до такой степени распускать нюни на людях. И даже наедине с собой не допускала подобных эмоций! К счастью, бармену, кажется, нет до нее дела, а трое посетителей в углу поглощены игрой в нарды...

Ксения всегда считала себя исключительно дисциплинированной женщиной, и потеря контроля над собой была для нее сродни стихийному бедствию. Только так – и никаких поблажек в оценке своего поведения!.. Она посмотрела на часы, но циферблат раздвоился. Тогда она перевела взгляд на стойку бара, но наткнулась лишь на грязное, треснувшее в нескольких местах и засиженное мухами зеркало. Взглянув в глаза собственному отражению, Ксения еще раз мысленно приказала ему взять себя в руки. Ей так необходимо вновь ощутить спокойствие и уверенность в собственных силах!..

И тут она увидела его. Точнее, не его, а его отражение. Оказывается, он все это время, не отрываясь, следил за ней. А она под воздействием коктейля из винных паров и духоты не сразу вспомнила, где и когда видела этого человека с темной, коротко стриженной головой, словно перечеркнутой ослепительно седой прядью...

Глава 2

Максим Богуш медленно брел по улицам Ашкена, чувствуя себя совершенно разбитым. Жаркий сухой воздух, как в сауне, обжигал легкие. Спасения не было даже в тени. Двадцать минут назад он отпустил водителя – хотел немного проветриться после долгого утомительного дня, проведенного в президентском дворце. Хотя прогулки по городу в преддверии комендантского часа были небезопасны, Максим понимал, что, останься он в машине, управляемой Рустамом, его подстерегали бы не меньшие опасности. В бестолковости своего водителя он в полной мере успел убедиться за месяц пребывания в Баджустане.

Господи, какую адскую работу ему пришлось выполнить за столь короткий срок! Работая в одиночку – таковы были условия контракта, – он не только придумал, но и установил в президентском дворце систему охранной сигнализации, которая не имела аналогов в мировой практике и реагировала даже на пролет птицы, даже на возню мыши возле норки...

Сегодня он напоследок еще раз проверил свою работу – все блоки системы функционировали безупречно, да и специальная комиссия, принимавшая выполненный заказ, никаких претензий не предъявила.

Два часа назад ему передали конверт с очень приличной суммой – в долларах, естественно, – а также личное приглашение президента Фархата Арипова провести ночь перед отъездом в его дворец. Максим отказался – у него были свои планы.

В принципе он остался доволен собой – работу выполнил быстро, качественно. И все было бы прекрасно, но... Он ни на йоту не доверял руководителю президентской службы безопасности Аликперу Садыкову. Слишком уж искренне тот заверял его, что завтра утром Максима отвезут на военный аэродром и спецрейсом отправят в Москву. Максим, усмехаясь, покачал головой: наверняка пришьют ночью в номере или придушат по дороге на аэродром.

Конечно, Богуш предполагал, что президент Арипов не позволит ему покинуть страну с ценной для российских, и не только, спецслужб информацией о тех мерах безопасности, которые президент предпринял для охраны собственной персоны. Поэтому Максим подстраховался. В частности, поставил в известность о своих подозрениях одного из сотрудников российского посольства, старого знакомого по КУОС¹ и по совместительству советника посла по культуре.

«Только бы крыша не поехала сегодня», – уныло подумал Максим и, сняв солнечные очки, задумчиво подышал на стекла. Затем протер их носовым платком, отметив между делом, что отражавшийся до сей поры в стеклах малопривлекательный тип, топавший за ним след в след с момента его прощания с водителем, уступил место сублильному юнцу с едва пробивавшейся бороденкой. Максим досадливо поморщился.

«Ну, достали!» – ругнулся он про себя. Даже в жару им нейдет. Никакого продоху! Не понимают, сволочи, что ему нужна хоть какая-то разрядка. После всей этой возни с президентской сворой ему безумно хотелось приличной компании, хотелось немного побаловать себя, испытать блаженство жизни, и Максим надеялся, что не в последний раз.

Без сомнения, гнусные происки Садыкова закончатся провалом. Богуш еще не до конца представлял, как выскользнет из рук этого мясника с сальными губами и крошечными глазками, почти невидными из-под тяжелых век, но точно знал две вещи: что уйдет непременно и что потом долго не будет носить опостылевший за этот месяц галстук, который прежде надевал лишь на похороны и свадьбы.

Ему не надо было успокаивать свою совесть. Он профессионал и сделал свое дело. И хотя потратил уйму времени и сил, чтобы защитить еще одного отщепенца – его жизнь, власть и

---

¹ КУОС – курсы усовершенствования офицерского состава.

богатство, – никаких отрицательных эмоций по этому поводу не испытывал. Он забыл о таких понятиях, как симпатии и антипатии, главное – выполнить работу хорошо. И Баджустан не стал исключением. По такому случаю Максим решил устроить себе небольшой праздник, для чего и отпустил машину пораньше, чтобы никто не помешал ему провести пару-другую часов в единственном приличном ресторане Ашкена – «Бартанге».

Он взгляделся в полумрак плохо освещенного помещения – на городской подстанции опять какие-то неполадки – и наконец увидел Анюту. Она сидела за столом с каким-то мужчиной, и настроение Максима неизвестно отчего испортилось. Впрочем, услышав ее знакомый теплый голос, он немного приободрился.

– Привет, Максим! Очень рада тебя видеть. Это Юрий Иванович Костин из Москвы. Он приехал ознакомиться с работой нашей миссии. Мы уже встречались в Таджикистане и здесь опять наткнулись друг на друга.

Максим стоял в нерешительности, ожидая, что Анята извинится перед Костиным и расстанется с ним, но она этого не сделала, и он сел к ним за столик.

Костин внимательно посмотрел на него:

– Мы только что говорили о вас. Анята рассказала, чем вы тут занимаетесь. Пытаетесь спасти жизнь президенту?

Максим неопределенно хмыкнул, посмотрел на Анюту, потом оценивающе – на Костина: выше среднего роста, крепко сложен, квадратное лицо, где очень даже неплохо совмещались крупный нос, тонковатые губы и тяжелый подбородок с глубокой ложбиной посередине. Седые виски и пронизательные карие глаза сказали Максиму гораздо больше, чем простоватая улыбка нового знакомого, но свои догадки об истинных занятиях этого господина Богуш решил оставить при себе.

– Начнем с того, что мне глубоко наплевать на все, что вы об этом думаете. Я выполняю работу, выполняю ее за деньги, и делаю это качественно. Да, сегодня мой заказчик Арипов, но с тем же успехом я поработаю и на другого черномазого засранца, если он придет завтра к власти и заплатит мне не меньше.

Костин улыбнулся:

– Теперь все понятно.

Максим посмотрел на Анюту:

– Может, выпьем чего-нибудь?

Девушка рассмеялась:

– Сегодня хорошо идет мартини со льдом и тоником. Мы уже пару раз попробовали. Знаешь, совсем неплохо.

Максим постарался не показать, насколько ему не понравилась эта «пара раз», и как можно безмятежнее посмотрел на ту, что уже недели две считал своей подружкой.

– А ты в курсе, как на самом деле пьют мартини?

Она пожала плечами и ответно улыбнулась:

– Просвети, если не трудно.

– Мартини принято пить вдвоем, причем всего четыре раза: первый бокал стоя, второй – сидя, третий – под столом, четвертый – под хозяином.

Анята и Костин расхохотались, но Максиму совсем не понравилось, как они переглянулись.

– Хотите, я покажу, как делается кубинский «Плайя-Хирон»? – Костин весело блеснул глазами.

– Ой, пожалуйста, вы рассказывали об этом в Хороге, но тогда у нас не было рома, – оживилась Анята, и Максиму показалось, что она едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши от восторга.

– Я тоже слышал об этом коктейле, – произнес он подчеркнуто вежливо, – и считаю, что его достоинства сильно преувеличены. Предпочитаю водку или виски. Но если вам хочется, валяйте, я не возражаю.

– Говорят, у кубинков очень длинные стройные ноги, потому что они часто пьют ром. – Анюта мечтательно вздохнула и остановила томный взгляд на Костине.

– Возможно. – Тот слишком пристально посмотрел на нее, и Анюта порозовела, окончательно испортив Максиму настроение.

«Маленькая испорченная дрянь!» – подумал он, наблюдая, как Костин движением руки подзывает официанта. Похоже, у них все сладилось еще в Таджикистане. Конечно, он понимал, что Анюта не невинная девушка, а с учетом своих внешних данных, да еще в условиях малочисленности женского персонала в международной миссии Красного Креста и Красного Полумесяца, где она трудилась переводчиком, было бы просто дико, если бы она не пользовалась успехом у мужчин. Но Максим все же не думал, что она так быстро променяет его на другого. Он окинул парочку быстрым взглядом. Похоже, они полностью поглощены друг другом и подготовкой к изготовлению коктейля.

Официант принес шейкер, а также все нужные для коктейля составляющие. Костин достал из нагрудного кармана блокнот и быстро произнес по-испански нечто рифмованное. Максим отвел взгляд. Костин смотрел на него в упор и, кажется, ждал ответной реакции на стишок. Не дождался, и только тогда перевел четверостишие на русский:

Кислому – доля,
Сладкому – две,
Крепкому – три,
Четыре – воде.

И снова перевел взгляд на Анюту.

– Это, конечно, условно, но близко к истине. Кислое – лимонный сок, сладкое – сироп, крепкое – ром. Обычно я предпочитаю свой любимый, с Мартиники. Но сойдет и ямайский. Воду лучше взять минеральную, только несоленую. А пропорции, как вы помните, – в стишке.

Костин перелил полученную смесь из широкой серебряной чаши в шейкер и несколько раз энергично встряхнул его, потом разлил коктейль по бокалам.

При этом он загадочно улыбался и не сводил глаз с Анюты. Но тост произнес неожиданный:

– За двадцатое августа! – и, подняв бокал, подмигнул Максиму.

– Если вы когда-нибудь окажетесь на Антильских островах, Анюта, – процедил сквозь зубы Максим, – вам изготовят подобный коктейль в любом баре. Там столько рома, что за него даже не берут денег – только за лимон и сироп.

– Ты бывал на Антилах? – удивилась Анюта.

Максим не ответил, лишь поднес бокал к носу.

– Пахнет замечательно. Мулатками и кокосами.

Костин рассмеялся:

– А мне иногда кажется, что ром пахнет старыми валенками.

– Почему ты ни разу не сказал мне, что тоже умеешь делать этот коктейль? – Анюта с интересом посмотрела на Максима.

– Меня никто об этом не просил. – Богуш поднял свой бокал, не обращая внимания на соломинку в нем. – Двадцатое августа ваш день рождения, господин Костин?

– Будем считать, что так, – улыбнулся тот одними глазами. – Вижу, вы предпочитаете русские традиции питья. – И, не дожидаясь ответа, вытащил соломинку из бокала и сделал несколько быстрых глотков.

Максим последовал его примеру, но Анята предпочла попробовать коктейль через соломинку.

– Замечательно, – воскликнула она восторженно, – очень вкусно и пьется мягко!

– Мягко-то оно мягко, но это крепкий напиток, – заметил Костин, – нужно совсем немного, чтобы отключиться полностью.

– Что ж, хорошее начало для вечера, – улыбнулась ему Анята. – Теперь даже ночной клуб покажется более привлекательным. – Она посмотрела на Максима: – Ты давно обещал сводить меня туда.

– Тогда нам придется остаться там до конца комендантского часа. Патрули никого не выпустят на улицу до утра.

– В компании таких мужчин любая ночь не страшна, – кокетливо повела глазами Анята.

И Максим окончательно разозлился. И как ему не удалось сразу разглядеть в этой смазливой девице с ясными голубыми глазами самую обыкновенную шлюху, готовую броситься на шею любому, кто на этот момент выглядит более солидно и уверенно. Что ж, Анята ищет приключений, и она их получит!

До наступления комендантского часа оставалось совсем немного времени, и они поехали в «Шехерезаду», единственный ночной клуб Ашкена, владелец которого, азербайджанец Аскер Масхатов, добился, наверняка за огромную взятку, разрешения работать в комендантский час, при условии, что его клиенты не будут шляться по ночному городу. До поры до времени ему удавалось соблюдать условия игры, тем более что среди завсегдатаев клуба были оба сына и зять президента.

Они вошли в прокуренную, тускло освещенную залу. Из ее глубины кто-то помахал им рукой. К своему удивлению, Максим узнал Аликпера Садыкова в компании с незнакомым ему крупным человеком в светлом европейском костюме. Судя по тому, как дружно и быстро они на пару с Аликпером покончили с графином водки и потребовали добавки, незнакомец был не иначе как соотечественник Максима.

Им с трудом удалось отыскать свободный столик, покрытый несвежей скатертью. Аскер умело сочетал среднеазиатскую экзотику с минимумом услуг и самыми высокими в городе ценами. Но здесь была хорошая кухня, неплохой выбор напитков и живая музыка, поэтому хозяину прощались и грязь, и заградельные цены.

Пока Костин делал заказ, достаточно свободно общаясь с официантом на его родном наречии, Максим пригласил Аняту танцевать. Раньше они с удовольствием танцевали друг с другом, но сейчас были слишком скованны и часто не попадали в такт.

Оба чувствовали напряженность и молчали. Первой не выдержала Анята и, кивнув в сторону собутельника Садыкова, спросила:

– Узнаешь?

Максим пожал плечами. В сущности, ему было все равно, с кем Аликпер надирается до поросычьего визга. И, судя по громким, пронзительным голосам, доносившимся со стороны столика, они были в двух шагах от цели.

– Ты не знаешь, кто это? – поразила Анята. – Это же Ташковский. Артур Ташковский. Писатель. Его все знают. Как-то раз мы летели с ним одним рейсом до Ташкента. – Она поморщилась. – Гадкая личность!

– Слышал о таком, – сухо произнес Максим.

Анята права. Имя Артура Ташковского хорошо известно в России и даже за ее пределами. Само собой подразумевается, что он хороший писатель. Но Максим не читал его произведений и не мог об этом судить. Во всяком случае, критики считали Ташковского талантливым, и у Максима не было никаких оснований сомневаться в их суждениях. Он посмотрел на Аняту.

– Костин, по-моему, не кажется тебе гадким?

– Нет, он мне нравится. Из вежливых, приятных тихонь, но из таких, что себе на уме. Ты как считаешь?

– Где вы познакомились?

– Два года назад, в Таджикистане. Он приезжал в Хорог с комиссией ООН. Честно сказать, я так и не поняла, чем он конкретно занимается. – Анята вздохнула. – Мы встретились с ним в «Бартанге» совершенно случайно, и он первый узнал меня.

– У вас был роман?

В глазах Аняты зажегся озорной огонек.

– Что такое, Максим? Да ты никак ревнуешь?

– Может быть. Если, конечно, мне стоит кого-то ревновать.

Анята опустила глаза и слегка побледнела. Теперь оба чувствовали еще большую неловкость и облегченно вздохнули, когда музыка закончилась. Они направились к столику, но тут Аняту подхватил один из сотрудников миссии – врач из Милана, Джузеппе.

– Анята, спасите одинокого итальянца! – на сносном русском весело прокричал он и стремительно увлек ее за собой на свободное пространство, которое вновь заполнили танцующие пары.

Погрустневший Максим присоединился к Костину.

– Сильная штука! – Костин поднял одну из бутылок и разглядывал ее на свет. – Хотите?

Максим кивнул и стал смотреть, как тот наполняет бокал.

– Вы здесь по делу? – спросил он угрюмо, подвигая к себе бокал.

– Упаси боже! У меня набралась неделя отгулов, и, поскольку я оказался неподалеку, в Ташкенте, решил завернуть сюда.

Максим взглянул прямо в хитрые глаза своего визави и подумал, что его слова мало похожи на правду и он совершенно не заботится о том, поверят ему или нет. Но решил промолчать.

– Конечно, я понимаю, что условий для отдыха здесь нет никаких, – прервал паузу Костин, – но думаю съездить на озера, поохотиться на уток.

– В Подмосковье это безопаснее и дешевле, – не сдержался Максим.

– Полностью с вами согласен, но я могу не успеть, а здесь сезон открывается через несколько дней. Двадцатого августа.

Максим бросил на него быстрый взгляд и тут же отвел глаза. Костин смотрел слишком безмятежно, чтобы заподозрить его в подвохе. Мужик, видно, заиклен на охоте и ждет не дождется открытия сезона, дабы отвести душу. Иначе не повторил бы дважды эти слова. Двадцатое августа. В прошлом они слишком много значили для Максима.

– Я тут встретил знакомых ребят с российской военной базы. Насколько я понимаю, их здесь недолюбливают, но командующий пообещал выделить бронетранспортер для поездки на озера.

– Ну, это круто! – усмехнулся Максим. – Утки золотыми окажутся.

– Ничего страшного, – махнул рукой Костин, – раз в год можно немного отпустить тормоза. – Он наклонился к Максиму. – Мне рассказывали, что Арипов еще тот парень и проводит очень жесткую политику, не задумываясь о средствах. Не боязно было с ним общаться?

Максим поднял голову и в упор посмотрел на собеседника:

– Я свое отбоялся лет этак пятнадцать назад. Поначалу меня, конечно, шокировали его методы, но потом я решил, что мое дело – сторона. К слову сказать, российские военные не вмешиваются в его дела, а он не вмешивается в их. Видно, имеется какое-то соглашение по этому поводу. Были, правда, кое-какие инциденты, но командующий принял быстрые и решительные меры.

– Каким образом... – начал было Костин, но его вопрос потонул в шуме, возникшем за их спинами.

Они оглянулись и увидели нависшую над ними по-бычьей тяжелой фигуру Ташковского. Он смотрел на Костина.

– Не ожидал тебя здесь увидеть, – проревел он, ничуть не заботясь, что его голос перекрывает шум в зале. Казалось, он просто не в состоянии говорить тише, может, оттого, что был изрядно навеселе.

Ташковский, указывая пальцем на Костина, обошел вокруг стола, словно хотел разглядеть того поближе.

Некоторое время он стоял, тупо уставившись на него, потом снова взревел:

– Точно узнал. Ты один из тех нахалов, которые разделили под орех мою «Матерую волчицу». Ты тот самый придурок, который пил мой коньяк на презентации, а потом всадил мне нож в спину своей долбаной рецензией!

– Насколько помню, в тот день я ничего не пил, – невозмутимо заметил Костин.

Ташковский шумно выдохнул:

– Надеюсь, тебе никогда больше не придется жрать водку в моей компании. Я сам выбираю друзей! – Он поднял руку, и Максим тут же вскочил на ноги.

– Сядьте, вы оба! – Костин резко потянул Максима за рукав. – Не валяйте дурака!

– А ну вас на... – пробормотал Ташковский и провел ладонью по лицу. Он повернулся, наткнулся на стул и, пошатываясь, направился в сторону туалета.

– Мерзкий тип, – заметил Костин. – Весьма сожалею.

Максим поднял упавший стул.

– Вы что, журналист?

– Нет. Но лет пять назад мой друг, обозреватель одной известной газеты, заболел гриппом и попросил написать вместо себя небольшой отзыв на этот роман. Я, конечно, не литературный критик и высказался достаточно прямолинейно. К тому же указал автору на целый ряд досадных ошибок и неточностей, что его, естественно, очень задело.

– И вправду неприятный тип, – буркнул Максим и сел, придвинув к себе бокал с недопитым содержимым.

– Но самое смешное, – продолжал Костин, – он действительно хороший писатель. И мне нравится, как он пишет. Критики совершенно справедливо его хвалят. Хуже другое. Они называют его русским Джеком Лондоном! Но мантия Джека ему не по плечу. Даже сравнивать нельзя. Тут совершенно другое... Возможно, я не вполне это понимаю... Только и слышишь: русский Сидни Шелдон... Русский Хейли... Человека чуть ли не уличают в подражательстве, а он этим страшно гордится, на этом строится реклама... И всем наплевать, что личность перестала быть личностью, индивидуальность уже не в цене, потому что...

Говорил он сердито и быстро, но не закончил свою речь. К столику вернулась Анюта и пригласила Костина на танец. Максим отметил, как посветлело и оживилось ее лицо, когда рука Костина легла на ее талию, и решил, что пора уходить. По-английски, не прощаясь...

По дороге в гостиницу, недалеко от центральной площади, он едва не попал в руки патруля. Затем ему преградила путь колонна военных грузовиков. За ней промаршировал батальон пехотинцев в камуфляже, изнемогавших под грузом полной боевой амуниции. Их смуглые лица лоснились от пота и в тусклом свете уличных фонарей сияли, как хорошо начищенные ботинки.

«Что-то назревает? – подумал Максим обеспокоенно. – Ребята вооружены до зубов. Неужели новый переворот? Может, Аликперу в эту ночь будет не до меня?»

Но тут же отогнал от себя эту мысль. Садыков свое не упустит!

Богуш огляделся по сторонам. Большая площадь, прилегавшая к президентскому дворцу и в дневное время запруженная народом, теперь была пуста. Лишь кое-где виднелись тройки военных патрулей, да по периметру расхаживали люди в штатском – агенты секретной службы Фархата Арипова.

Обычная разноголосица толпы сменилась тупым стуком солдатских ботинок по асфальту. Все кафе, магазинчики, киоски были закрыты, окна зашторены, оттого и площадь выглядела темной и угрюмой. На фасаде президентского дворца не светилось ни единого огонька, и Максим подумал, что все это очень напоминает российские города в войну, естественно, какими он видел их в кино: шторы затемнения на окнах, а на улицах мерный солдатский шаг. Не хватало только прожекторов, шаривших по небу в поисках вражеских самолетов. А в остальном было очень похоже, что он попал в прошлое лет этак на шестьдесят назад.

Глава 3

Максим распахнул дверь в бар гостиницы «Мургаб» и вошел внутрь. И тотчас нашел ответ на все свои желания. Она сидела у стойки бара, и именно она была нужна ему в этот момент.

Потрясающе, пугающе красивая женщина. Тем не менее он легко справился с секундной потерей душевного равновесия и непринужденно направился прямо к стойке, не сводя глаз с незнакомки.

Ее светлые волосы, казалось, потускнели от жары. Они слегка топорщились на затылке, открывая длинную гибкую шею. Прекрасный плечевой пояс, подумал он, разглядывая женщину. Вероятно, занималась гимнастикой или балетом. Он отметил узкую кисть руки, сжимающую бокал, и точеные бедра, которые так выгодно подчеркивали облегавшие их светлые брюки.

Белая футболка на спине потемнела от пота. Женщина то и дело подносила к лицу крошечный платочек, вытирая капельки, выступавшие на носу и лбу. И от этого она отнюдь не становилась хуже.

Прошло с полчаса, но она по-прежнему сидела в одиночестве, потягивая через соломинку содержимое своего бокала. Максим с недоумением продолжал наблюдать за ней. Какого черта она сидит одна-одинешенька в этом паршивом баре? На проститутку не похожа. Сотрудница посольства? Но те давно не покидают его пределы, тем более во время комендантского часа. Служащие Красного Креста и Красного Полумесяца одеваются проще и экономнее. Больше европейских женщин в Ашкене не было... Мало кто рисковал приезжать сюда после прихода к власти Фархата Арипова.

Но если эта женщина приехала по делам, то дела эти обстоят хуже некуда. Максим давно не видел людей с таким мрачным выражением лица. Интересно, о чем она думает?

Впрочем, какие бы мысли ни рождались в ее голове, на свое отражение в зеркале она посмотрела с нескрываемой яростью. Максим подумал, что она и впрямь великолепна. И готов был поверить, что ее прислали сюда добрые ангелы – специально для него, чтобы успокоить, ободрить, наградить за тяжкие труды и нервные потрясения. Хотя, признаться, о подобной встрече он и не помышлял.

Он смотрел на ее отражение в зеркале, и в какой-то момент их взгляды встретились. Максим неожиданно для себя подмигнул ей и улыбнулся. Нет, эта женщина вряд ли послана ангелами. В ее глазах он прочел вызов. То, что надо! Он никогда не любил легких побед. Разгоряченный выпитым, чувствуя возбуждение от предстоящей атаки, он расслабил дурацкий галстук и направился прямо к ней...

Поначалу Ксения решила, что у нее начинаются галлюцинации. Человек, за которым она прошлым летом целых три дня наблюдала в бинокль с дачной веранды матери, за которым она без стыда и совести подглядывала все время, пока он работал в огороде, возился на крыше с телеантенной, рубил дрова и складывал их в поленницу, сейчас самым наглым образом перемигивался с ней в зеркале.

Даже на дыбе она не призналась бы, путем каких немыслимых ухищрений, так, чтобы никто даже не заподозрил ее в интересе к этому мужчине, ей удалось тогда выяснить, что это Максим, сын тетки Марии Богуш, бывшей знатной доярки-орденоносцы, а нынче простой российской пенсионерки, одиноко доживавшей отведенный ей век в стареньком домишке с просевшей крышей в нескольких сотнях метров от дачи Клавдии Михайловны. О том, что у тетки Марии есть сын, в селе практически забыли.

Он не появлялся дома с тех пор, как ушел в армию.

И вот вернулся, оказывается, почти одновременно с Ксенией. Поговаривали, что он из бывших военных и звание имеет высокое, но вот ушел на пенсию и перебрался на житье к матери.

Сама Мария о сыне особо не распространялась, а если уставала от расспросов, то разводила руками и привычно отвечала: «Он сам себе хозяин. Захочет здесь остаться – мне только в радость. Не захочет – его воля, я перечить не стану». Судя по тому, что бабка никогда не заводила речи о снохе или внуках, сельчане сделали вывод, что Максим в разводе, а то и вовсе не был женат. Сей факт, несомненно, вызвал интерес у той части женского населения, которая не потеряла еще надежды выйти замуж.

Ксения таких целей не преследовала. Скорее она вообще не собиралась замуж. Встречаясь уже более двух лет три раза в неделю с Егором Кантемировым, одним из руководителей телеканала, где работала с момента его образования, она ни о чем другом и не помышляла. Отношения у них были ровные, свободные от обязательств. Они неплохо ладили в постели и на работе и не давали друг другу поводов для ревности. Со стороны это смахивало на идиллию, но иного Ксения бы просто не потерпела – слишком свежи были воспоминания, как убегала босиком по снегу с годовалой Каткой на руках от ее отца – актера местного театра Афанасия Остроумова, красавца, запойного пьяницы и садиста...

Не спросив разрешения, Максим сел рядом с ней и по-хозяйски поставил кружку с пивом на стол.

Собрав всю волю в кулак, Ксения смирив его взглядом с головы до ног, высокомерно и с едва заметным презрением в глазах. Раньше этого было достаточно, чтобы оттолкнуть любого, даже чересчур назойливого кавалера. Но Богуша, казалось, не смутил ее выпад. Он просто уселся рядом, и, похоже, ему было наплевать на ее эмоции.

– Привет, – непринужденно сказал он и улыбнулся по-мальчишески весело и открыто.

– Добрый вечер. – Ксения бросила на него весьма красноречивый взгляд. Этот нахал должен понять, что она ничуть не смущена и не взволнована его присутствием и не слишком жаждет общения.

Потом она повернулась к бармену и заказала еще один коньяк.

– Плачу я, – быстро вмешался Максим, заметив, что она достала деньги.

Ксения чуть не задыхнулась от негодования, но нашла силы вежливо возразить:

– Спасибо, не нужно. Я в состоянии заплатить сама...

– И за меня тоже? – усмехнулся он.

– Назови, сколько ты стоишь, возможно, и заплачу. – Она вызывающе посмотрела на него.

Он удивленно хмыкнул, окинул ее взглядом, отчего у нее вдруг задрожали коленки и заняло в животе.

– Ты что, решила заполучить меня на ночь? И готова за это заплатить?

К своему удивлению, Ксения улыбнулась. Вероятно, совсем опьянела.

– Твой способ знакомства довольно примитивен.

– Да я и сам знаю, – небрежно ответил Богуш, не обращая внимания на явную грубость с ее стороны, хотя и смягченную улыбкой. – Но в некоторые моменты я могу быть просто неотразимым.

– А ты от скромности не умрешь! – протянула она с расстановкой, уже не пугаясь его пристального взгляда. Потом опять не удержалась, улыбнулась. Разве ему понять, что она чувствует на самом деле. И как ни странно, спокойствие и уверенность, исходившие от его сильного, тренированного тела, не настораживали ее, а, наоборот, расслабляли и притупляли бдительность. Может, потому, что она многое о нем знала, он же не знал о ней ничего, а полчаса назад даже не подозревал о ее существовании.

Максим понял ее улыбку по-своему и недвусмысленно усмехнулся:

– Ну, вот так-то лучше.

– Лучше, чем что? – не поняла Ксения и недовольно поморщилась. Господи, и почему она сидит и разговаривает с ним, вместо того чтобы послать к чертовой матери?

– Лучше, чем выражение, с каким ты смотрела в свой стакан. Мне показалось, ты хочешь в нем утопиться.

– Нет, не хочу.

– Я почувствовал, что тебе страшно и тоскливо в этом чертовом городишке в эту чертову ночь...

– Ну... – Она не нашлась, что ответить, и зачем-то подозвала официанта и заплатила за пиво Максима.

– Спасибо, – усмехнулся он и вежливо склонил голову. – Вы необыкновенно щедры, сударыня. – Он поднял вверх бокал с пивом. – Ваше здоровье, прекрасная незнакомка! Несмотря ни на что, здесь очень хорошо работается днем, – и опять подмигнул ей, – а ночью тем более.

– Да что ты! – Она, в свою очередь, подняла свой бокал и чокнулась с Богушем, представив на мгновение то, что он подразумевал под ночной работой. Наверняка пара видеокассет «для взрослых», скрипучая кровать да недорогие шлюшки...

– Скажи, тебе приходилось работать ночью? – Его голос звучал вкрадчиво, в темных глазах промелькнули озорные искорки.

– Боюсь, что нет. Я так много работала днем, что вечером падала в постель без задних ног.

– Но ты, надеюсь, не новичок в подобных делах?

– Моей дочери восемнадцать лет, – огрызнулась она, – тебе это о чем-то говорит?

Она заметила торжествующий огонек в его глазах и поняла, что выдала себя с головой. Похоже, под словами «ночная работа» они подразумевали одно и то же.

– Конечно. – Он скривил рот в ироничной ухмылке и умело сместил акценты: – Я вижу, ты из тех, кто горит на работе.

– Представь себе, да.

– И чем же ты занимаешься?

– Не хочу об этом говорить.

Максим едва заметно пожал плечами:

– Что ж, пожалуй, ты права. Хватит трепаться. У меня сегодня денек тоже был не приведи господь...

– Хватит трепаться, – согласно повторила она, поразившись собственным словам. Такие словечки она могла позволить только наедине с собой, но никак не в присутствии постороннего, тем более незнакомого человека... Наверняка жара подействовала. Или все дело в этом мужчине? При виде его она чувствует почти болезненное возбуждение, начиная с момента их встречи на горном склоне в такой далекой и недоступной сейчас Сибири.

Максим посмотрел ей в глаза, и на миг Ксении показалось, что он знает о ней гораздо больше, чем она думает. Возможно, он все-таки разглядел ее тогда в машине?..

Она покраснела и покачала головой от досады, вспомнив тот эпизод, из-за которого до сих пор чувствовала себя распоследней дурой...

* * *

До самолета оставалось пять часов. Чемоданы дожидались на веранде, когда их погрузят в машину. Клавдия Михайловна и Катя прихорашивались, каждая в своей комнате, собираясь проводить ее до Емельянова. Ксения вышла на крыльцо и привычно взяла в руки бинокль... Сын Марии Богуш в потертых джинсах и выцветшей футболке вышел из ворот с тяжелой сумкой в руках и направился в сторону центра села. Сердце у нее сжалось. Не отдавая себе отчета в своих действиях, она выбежала за ворота, где стояли старенькие «Жигули» матери, и села в машину.

Максима нагнала уже около магазина. Он стоял возле киоска приема стеклотары и, вынимая из сумки водочные и пивные бутылки, расставлял их в ящики, которые выносил приемщик посуды.

«Ну вот, ко всему прочему он еще и алкаш!» – вздохнула Ксения. Хотя в принципе какое ей дело?

Но почему-то ей не хотелось разочаровываться в человеке, с которым она даже не была знакома. И тут ей в голову пришла совершенно дурацкая мысль – выйти из машины и гордо продефилировать мимо киоска до магазина. Может, тогда она просто не оставит этому угрюмому задаваке никаких шансов снова проигнорировать ее...

Ксения открыла дверцу машину и тут заметила двух юнцов. Они едва держались на ногах и толкали впереди себя старую детскую коляску, полную пивных бутылок. Подкатив ее к киоску, один из вновь прибывших оттолкнул Максима от дверей, куда тот подавал ящик с бутылками. Ксения не слышала, что Богуш сказал пьяному, но парень вдруг схватил его за грудки и прижал к стенке киоска. Его приятель тем временем подхватил сумку Максима с оставшимися бутылками и отбросил ее в сторону. Звон разбитого стекла раздался одновременно с пронзительным визгом парня, напавшего на Максима. В одно мгновение тот оказался в лежащем положении, а Максим, перепрыгнув через корчившегося на земле противника, схватил за шиворот второго и, крутанув вокруг себя, пинком отправил вслед за приятелем. Затем как ни в чем не бывало повернулся к обалдевшему приемщику посуды.

Ксения ошарашенно потрясла головой и тут заметила участкового, капитана Астахова, бежавшего от аптеки. Он на ходу придерживал рукой кобуру и кричал: «Стоять! Стоять на месте!» Подскочив к Максиму, схватил его за рукав, но тот вырвал руку и, видно, пробурчал что-то не слишком учтивое, отчего Астахов побагровел и начал расстегивать кобуру.

Максим покачал головой, опять что-то сказал и кивнул в сторону лежавших на земле парней. Из киоска вышел приемщик и тоже заговорил, взволнованно жестикулируя.

Астахов тем временем вытащил пистолет и потряс им перед носом Максима. Даже с весьма приличного расстояния, откуда Ксения наблюдала за происходящим, она заметила, как Максим побелел.

Одно мгновение, и пистолет Астахова оказался в руке Максима. Он подбросил его, поймал, опять что-то пробурчал и вернул оружие капитану. Астахов растерянно дернул головой и убрал пистолет в кобуру. Крикнув что-то сердитое приемщику, страж порядка подошел к пьяным.

Максим тем временем вытряхнул из сумки битое стекло и, не оглядываясь, побрел обратно. А Ксения тихонько поехала следом. Через сотню метров она нагнала его, приоткрыла дверцу и решительно спросила:

– Подвезти?

– Перебьюсь! – рявкнул он сквозь зубы, скользнув по ней быстрым взглядом, и прибавил шаг.

Она сердито фыркнула и с места рванула машину. Вылетевшие из-под колес грязные брызги, несомненно, обдали Максима с головы до ног, иначе зачем ему было отряхиваться и провожать машину свирепым взглядом? Она расхохоталась и удивилась собственному злорадству. Человек только что угодил в переделку, по случайности чуть не попал в руки милиции, а она мелочно мстит ему, и спрашивается, за что? Просто потому, что он опять не обратил на нее внимания?..

Но все-таки они были почти знакомы. Видно, поэтому она с такой легкостью согласилась на его компанию и чувствует себя с ним весьма и весьма непринужденно. Вероятно, когда нет совместного прошлого, действительно становится просто и хорошо друг с другом.

Господи, ну и жарница! Ксения в который раз вытерла пот со лба. Похоже, из-за жары она ведет себя черт-те как и несет всякую чушь... Но от Максима исходило какое-то странное

тепло. Оно не раздражало, нет, наоборот, притягивало так, что Ксения даже сделала движение, чтобы дотронуться до его руки, но вовремя остановила себя. Но приказать себе не дышать, чтобы не чувствовать его запаха – пряного, с легким ароматом туалетной воды, – она была не в силах, так же как слышать его дыхание и видеть его глаза, столь пугающе откровенно разглядывавшие ее лицо.

Он приятный и симпатичный – это Ксения рассмотрела еще тогда, в бинокль. Но познакомься они в Москве, она вряд ли стала бы с ним встречаться. Широкоплечий, но худощавый и подтянутый, он был значительно выше ее, и, даже когда сидел рядом, ему все время приходилось наклонять голову, чтобы заглянуть ей в глаза. Короткие темные волосы почти сливались с загорелой кожей, но она заметила седину на висках. И еще эта необычная седая прядь, сейчас она непослушно падает на лоб, и он постоянно откидывает ее назад.

Его брови и ресницы были темными, под цвет глаз, светящихся умом и энергией. На щеках при улыбке появлялись ямочки, а улыбался он так открыто и неотразимо, что ее губы тут же растягивались в ответной идиотской улыбке.

Конечно, одет он был довольно посредственно: брюки неопределенного цвета, старый кожаный ремень, порядком поистершийся, поношенные туфли, обычная недорогая рубашка песочного цвета. И галстук – темно-красный, с нелепыми желтыми завитушками.

Бр-р! Неужто некому подсказать ему, что лучше вообще обойтись без галстука, чем носить такое безобразие...

– Галстук – подарок женщины? – непроизвольно вырвалось у Ксении.

Он изумленно поднял бровь. И только тогда Ксения разглядела, что ее перечеркивает узкий шрам до самого виска.

– С чего ты взяла?

– Я угадала, – произнесла она с торжеством, – и он дорог тебе как память. Спорим, это твой единственный галстук. И ты надеваешь его только на свадьбу или на похороны.

Максим улыбнулся и с интересом посмотрел на нее:

– Ты что, успела порыться в моем шкафу?

– Нет, просто мужчины – довольно предсказуемые существа. – Она спокойно отхлебнула из бокала.

– Неужто? Тогда ты знаешь, как выглядят мои... носки?

– Нет, в носках я не разбираюсь, тем более в мужских.

– Зато в галстуках – вполне профессионально. Это дело твоей жизни?

Она с негодованием глянула на него, но почему-то сочла своим долгом объяснить этому невеже, что к чему.

– Дело в том, что такой галстук не подходит к твоей рубашке. Будь у тебя несколько галстуков, ты бы этот ни за что не выбрал. – Только тут она осознала, что наверняка оскорбила собеседника, и быстро поправилась: – Прости, пожалуйста. Я не хотела нахамить. – Ксения нахмурилась. – По правде говоря, я никогда и никому не хамлю.

– Никогда не говори «никогда», – улыбнулся в ответ Максим.

– Нет, честное слово. А тебе почему-то нагрубила...

– Это все жара, – спокойно пояснил он, – я и сам от нее иногда зверею.

Она отставила в сторону бокал.

– Скорее всего, я слишком много выпила.

Максим снял галстук и засунул его в карман.

– Я действительно терпеть не могу эти дурацкие галстуки.

– А кто она была? – Это, конечно, ее не касалось, и задавать подобный вопрос не следовало, но Ксении безумно захотелось узнать о той, что одаривала его такими знаками внимания.

– Женщина, которая подарила этот галстук? – Максим помолчал. – Да так, одна знакомая. Ничего особенного.

– По-моему, она хотела заполучить тебя больше, чем ты ее? – ляпнула Ксения и тут же испугалась, что нарвется на ответную грубость.

Но Максим лишь заглянул в ее бокал:

– Ты что, гадаешь на кофейной гуще?

Она пожала плечами:

– Несложно догадаться.

Бесспорно, он принадлежал к числу мужчин, кого женщины безумно хотят и в которых страстно влюбляются. Нет, себя к таким особам Ксения не относила. Все-таки у нее гораздо больше здравого смысла, и она умеет скрывать свои эмоции. Но почему-то ведь подглядывала за ним там, в Григорьевке! Как бы ей хотелось, чтобы виной этому были скука и слегка ущемленное самолюбие. Но сейчас он смотрел на нее, и она прекрасно понимала, почему женщины без ума от таких мужчин, – чего стоил один его взгляд! Он всего лишь посмотрел на нее в зеркало, и Ксения почувствовала себя любимой и обожаемой...

– Да, женщины любят такие вещи, – пробормотала она, поднимая бокал, и сделала большой глоток. Ксения и думать забыла, что несколько минут назад дала зарок больше не пить.

– Какие вещи? – удивился Максим и, подперев щеку ладонью, задумчиво посмотрел на нее. Ксения заметила еще один шрам – на запястье, а другой на тыльной стороне ладони.

– Думаю, ты или воевал, или тебе постоянно не везет, – сказала она. Вероятно, для того, чтобы вновь поразить его своими дедуктивными способностями.

Он недоуменно вскинул брови. Ксения взглядом показала на его запястье, однако он не понял и посмотрел на нее с еще большим недоумением. Осмелевшая от его спокойной реакции на глупости, что она наговорила, Ксения дотронулась до его руки.

– А, ты об этом... – хрипло пробурчал Максим и отхлебнул пива.

– А вот еще. – И она дотронулась до шрама на виске. Он замер, когда Ксения осторожно коснулась рубца и нежно провела по нему пальцем, задев седую прядь. – И нос чуть искривлен. – Ксении показалось, что она тоже охрипла. Внезапно ей захотелось дотронуться до его губ, но там не было шрамов, и поэтому пришлось остановиться.

Максим придвинулся к ней вплотную:

– Пару лет назад мне сломали нос...

– Ты попал в аварию?

– Нет, в драке.

– По-моему, у тебя жуткий характер, – протянула Ксения и слегка отодвинулась, изо всех сил стараясь не показать, что ее бросает в сладостную дрожь от одного лишь предвкушения, что он вот-вот коснется ее.

Он улыбнулся в ответ:

– Вовсе нет, я скорее барашек, чем серый волк.

У Ксении перехватило дыхание, и она опустила глаза.

– А по-моему, ты просто флиртуешь со мной...

– А ты считаешь, что здесь можно флиртовать с кем-то еще? – парировал Максим. – Только ты да вон те пареньки в углу, которые определенно фискалят за тобой или за мной, а то и за обоими вместе. И чувствует мое сердце, им мой галстук тоже не нравится... – Он заглянул ей в глаза и вкрадчиво спросил: – А ты не любишь, когда с тобой флиртуют?

– Я... я не привыкла к этому, скажем так.

– Но если ты не привыкла к флирту, то, наверное, живешь в высокой башне и за высоким забором...

– Нет, я не живу в высокой башне, – вполне серьезно ответила Ксения и сделала еще один глоток из своего бокала. Она хотела добавить, что работает рядом с самой высокой башней страны, но вовремя одумалась. Зачем ему такие подробности?

– Ты замужем?

– Нет! – Она растерянно заморгала. За один вечер она рассказала этому человеку о себе не меньше, чем Егору за несколько лет.

– Ну, вот и славненько. – Он потер ладони и залпом выпил пиво.

– То есть? – не поняла она его радость. – А если б я сказала, что замужем, ты бы повернулся и ушел?

– Нет, конечно! Но я бы... Черт, это трудно объяснить!

– Ты бы – что? – продолжала допытываться Ксения.

Максим пожал плечами и огляделся по сторонам.

– Ну, к примеру, я не стал бы тебя приглашать потанцевать со мной.

– Но здесь не принято танцевать.

– Не принято, говоришь? Разве мы не можем взять и разок нарушить эти неписанные правила, а? Создать, так сказать, прецедент? – Он встал и взял ее за руку.

«Господи! – взмолилась про себя Ксения. – Верни мне разум!»

Максим легонько потянул ее за руку, и она послушно пошла за ним.

– Не бойся, – сказал он тихо и ласково посмотрел на нее. – Ничего страшного не происходит. Есть музыка, немного свободного места и красивый, почти молодой человек: это я. Что еще нужно для танцев?

В самом деле, в баре тихо играла музыка, хотя еще мгновение назад Ксения не обращала на нее никакого внимания. И когда бармен услужливо сделал звук громче, полилась медленная чувственная мелодия.

Ксения занервничала и попробовала отстраниться от Максима, однако он не отпустил ее. Она подняла голову. Их взгляды встретились, и Ксения почувствовала, что задыхается. Как ему идет эта улыбка! Немножко, конечно, нахальная, но никто еще не смотрел на нее с таким обожанием и лаской. И она сдалась.

– Потанцуем? – пробормотал он и привлек ее к себе.

Она молча кивнула, и он почти прошептал ей на ухо:

– Ты всегда принимаешь вызов?

Ксения протяжно вздохнула, а он еще плотнее прижал ее к себе. Она положила руку ему на плечо, пытаясь хоть немного отстраниться.

– Надо же, ты совершенно не потеешь? И это в такую жару? – удивленно произнес Максим, и ее вовсе не покорило от его слов.

– Да я просто обливаюсь потом! – сказала она виновато.

Рука Максима, до этого спокойно лежавшая на ее талии, двинулась вверх по спине, словно он решил удостовериться в правдивости слов Ксении. Она поначалу замерла от неожиданности и подалась вперед, надеясь избавиться от вкрадчивых, мягких прикосновений, и в результате прижалась грудью к его груди. Максим еще ближе притянул Ксению к себе, медленно провел ладонью по ее плечам и снова опустил руку на талию.

– Нет, ты совсем не вспотела, – улыбнулся он, – разве только чуть-чуть...

Спина Ксении горела от его прикосновений. К ее величайшему изумлению, грудь набухла, и она испугалась, что Максим заметит ее возбуждение.

Ксения опять попыталась отстраниться. Нет, он не удерживал ее, хотя, разумеется, мог бы, если б захотел, просто держал в объятиях, словно давал возможность одуматься и понять, что ей вовсе не хочется уходить от него.

Максим сильнее сжал ее руку, так что их пальцы переплелись. Затем он слегка нагнулся к ней и прикоснулся щекой к ее щеке, уколол щетиной.

– Расслабься, – пробормотал он. – Ты всегда в таком напряжении? Никогда не расслабляешься?

– Никогда, – призналась она.

– Никогда не говори «никогда», – повторил Максим, и его рука заскользила по ее спине, снимая напряжение и даря невыносимое блаженство.

Ксения вздохнула и, подчиняясь его желанию, обняла Максима за шею. Она беспомощно вздохнула и положила голову ему на плечо. Впервые в жизни она встретилась с подобным мастерством обольщения. И, в глубине души осуждая себя за порочность, покорила его ласковым и нежным прикосновениям. Максим, казалось, знал о ней и о ее жизни абсолютно все, словно не она, а он подглядывал за ней в бинокль и с замиранием сердца выслушивал любую информацию, доходившую до их дачи из села. Он знал о ней все, даже то, о чем она до сих пор не догадывалась...

Музыка продолжала звучать, а мужские руки мягко и осторожно ласкали ее плечи, спину, талию...

Только теперь она по-настоящему почувствовала, до какой степени одинока, и боялась, что умрет, если Максим перестанет обнимать ее. Уже не стесняясь, она дрожала от желания и все теснее и теснее прижималась к нему.

Внезапно музыка прекратилась. Остановился и Максим. Ксения по инерции сделала шаг, и он еще крепче прижал ее к себе. Она подняла голову и утонула в его глазах.

– Пожалуйста, пригласи меня к себе, – прошептал он, нервно облизывая губы. Еще ни разу в жизни на нее не смотрели с таким вожделением.

Но Ксения прошептала в ответ:

– Я не могу.

Странно, но Максим не обиделся.

– Все будет хорошо. – Он слегка коснулся ее щеки ладонью, и она опять задохнулась от волнения.

– Я... я верю тебе, – едва выговорила Ксения.

Она понимала, что наверняка впала в безумие, но и вправду верила ему.

– У меня есть презервативы, – быстро проговорил он и, увидев, что она краснеет, пояснил: – Ну, я подумал, что ты боишься...

– Нет, – быстро сказала она, – я просто не успела заказать номер.

Максим с облегчением улыбнулся:

– Тогда пошли ко мне.

– Знаешь... я... – Она потупила взгляд, не находя себе места от смущения. Неужели она, по жизни холодная и недоступная Ксения Остроумова, согласится провести ночь с первым встречным, пусть даже и немного знакомым ей мужчиной? У нее было не слишком много мужчин. О каждом она знала абсолютно все и, прежде чем решиться на близкие отношения, встречалась с ним как минимум несколько месяцев. И всегда была образцом здравого смысла и самоконтроля даже в собственных глазах.

– Я понимаю, ты нервничаешь, – мягко произнес Максим и вновь обнял ее. – Мы ведь абсолютно не знаем друг друга. – Он прижался лбом к ее голове и закрыл глаза. – Это совершенно необъяснимо, но я чувствую, что ты моя женщина, именно та, кого я всю свою жизнь мечтал встретить. И я хочу тебя... как не хотел еще ни одну женщину на свете.

Она вдруг почувствовала, что ей опять не хватает воздуха. Мысли путались. Олег и Володя до сих пор не вернулись. Скорее всего, не успели в город до комендантского часа и заночевали в аэропорту. Значит, никто не узнает, что она провела ночь с Максимом.

И почему бы ей не сделать что-то, пусть глупое, вызывающее, безрассудное – словом, то, чего она не позволяла себе никогда в своей взрослой жизни? И потом, ей так одиноко! Сама мысль о том, что и эту ночь ей предстоит провести одной, несказанно пугала. Как и мысль позволить Максиму уйти из ее жизни.

Никто никогда не узнает, повторяла она про себя, как заклинание. Эта ночь останется ее секретом. Вернее, их секретом. Пусть в эту ночь он покажет ей другую, знакомую сторону

жизни, пусть подарит то, о чем она понятия не имеет. А завтра утром все встанет на свои места. Она сядет в самолет и улетит в Москву. И благополучно забудет и об этом приключении, и о Максиме Богуше. Да и Максим забудет о ней – ведь он даже не подозревает, кто она такая! А в Григорьевку он вряд ли вернется.

Ксения посмотрела ему прямо в глаза и вложила свою руку в его ладонь.

– Хорошо, идем к тебе, – прошептала она и смело улыбнулась.

Глава 4

Конечно, будь у него выбор, Максим привел бы эту женщину в другое место, а не в душную, убогую комнату гостиницы «Мургаб». Он прекрасно понимал, что она заслуживает лучшего: шелковых простыней, роскошных интерьеров, бассейнов с голубой водой и балкона-лоджии с прекрасным видом на заморские достопримечательности. Но даже в лучшие времена он не смог бы предложить ей подобное, а сейчас тем более. В его распоряжении был всего лишь самый приличный номер, на какой можно надеяться в Ашкене. Неудивительно, что сюда с такой неохотой едут даже по неотложным делам. Политический бардак вкупе с гостиничными тараканами оттолкнет даже самого непритязательного любителя экзотики, каковым до недавнего времени он считал и себя, пока не нахлебался ею досыта.

Взяв в одну руку сумочку Ксении, другой он сжал ее тонкие изящные пальцы с аккуратным маникюром и вывел ее из бара. Пройдя через неухоженный внутренний дворик, мимо давно не работавшего фонтана, они вошли в вестибюль гостиницы.

Там никого не было, так же как и за администраторской стойкой. Только из комнаты охраны доносились громкие звуки телевизора.

– Лифт не работает, – сказал Максим и повел ее по коридору к лестнице.

О лифте Ксения знала и спросила о другом:

– Ты здесь давно?

– Слишком. – Его короткий ответ дал ей понять, что Максим волнуется не меньше.

Ему тоже показалось, что Ксения спросила не из любопытства, а в надежде скрыть волнение. Впрочем, это ей почти удалось. Но Максим видел, что она все-таки испугана, видно, не слишком часто пускалась в подобные авантюры. Так же, впрочем, как и он. Но в ее манере разговаривать, в поведении, во внешнем облике было нечто такое, что делало их решение провести эту ночь вместе естественным и неизбежным.

Так природа ждет поутру встречи с солнцем, так песок мечтает о морском прибое...

Они поднялись на пятый этаж. Открывая дверь в номер, Максим бросил на женщину быстрый взгляд – не передумала ли. Но его спутница гордо вздернула подбородок, в очередной раз демонстрируя независимость. Максим едва сдержал улыбку: уж не полагает ли она, что он будет выкручивать ей руки? Что ж, он готов, если это доставит ей удовольствие. Он открыл дверь и пропустил даму вперед.

Закрыв дверь на ключ, Максим не стал зажигать свет. В конце концов, его номер куда лучше смотрелся в темноте. К тому же света хватало от подглядывавшей в окно луны. Они видели друг друга, а большего и не требовалось.

Ксения внимательно оглядела номер, и Максим смущенно пояснил:

– Я хотел что-нибудь поприличное, но мне объяснили, что люксовые номера отвели для телевизионщиков из Москвы. – Он положил ее сумочку на столик у кровати и развел руками. – Так что чем богаты, тем и рады...

– Неважно, – прошептала она. Лунный свет застрял в ее волосах, и от этого они казались серебристыми...

– Да, неважно, – эхом отозвался Максим, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам. Он стянул пропотевшую насквозь рубашку и подошел к Ксении. Она не отстранилась, не отступила назад, не вздрогнула – словом, не сделала ничего такого, что превратило бы его в насильника-подлеца, а ее – в беззащитную жертву. И у него, как у мальчишки, неожиданно пересохло во рту, когда он положил ей руки на плечи и поцеловал в теплые нежные губы.

Ксения закрыла глаза, ощущая лишь эти незнакомые твердые губы, которые через мгновение стали мягкими и горячими, слегка солоноватыми на вкус. Его ладони сжали ее талию, нежно и в то же время сильно, но тут же она почувствовала, как одна его ладонь переместилась

ей на затылок, другая легла на ягодицы. Максим плотнее прижал ее к своему телу, и она ощутила растущее в нем напряжение. На мгновение он оторвался от нее и прошептал, задыхаясь:

– Мне только сейчас пришло в голову, что мы с тобой абсолютно незнакомы. Как тебя зовут?

– Не надо! – резко оборвала она его. – Давай обойдемся без имен!

Максим опешил:

– Почему?

– Не сейчас. – Ксения провела пальцем по его щеке, очертила контуры губ. – Потом...

Он притянул ее к себе, сжал пальцами бедра, и Ксения охнула, не от боли, нет! Она почувствовала, что коленки у нее подгибаются, а ладони стали влажными и липкими от предвкушения близости.

– Но ты ведь скажешь свое имя?

Он был настойчив, и ей пришлось солгать.

– Конечно, – сказала она, нисколько не сомневаясь, что поступает правильно. В конце концов, если утром он будет по-прежнему настаивать, она выдумает какое-нибудь имя. Как бы сильно она ни хотела этого мужчину, он никогда не узнает, как ее зовут. Не узнает, кто она. Да и с какой стати ему знать? Она ведь тоже почти ничего не знает о нем.

И в будущем сделает все, чтобы никогда с ним не встретиться. Из своего небольшого, но печального жизненного опыта Ксения знала, как бывают назойливы самоуверенные, красивые, но отвергнутые мужчины. Зачем ей лишние волнения?

Его руки проникли к ней под футболку, заскользили по спине, добрались до бюстгалтера. Тихо щелкнула застежка, и у Ксении закружилась голова, все поплыло перед глазами, когда его ладони легли на ее груди и слегка сжали их. Максим снова принялся целовать ее, еще неистовей, отчего она совсем обессилела и безвольно повисла на нем. Он одной рукой обхватил Ксению за талию, другой продолжал ласкать ее грудь и дразнил ее, дразнил губами и языком, все сильнее и сильнее прижимая к своим бедрам, чтобы она почувствовала и поняла, как велико его желание обладать ею...

Их объятия и ласки становились все необузданнее.

Оба почти теряли контроль над собой, но воспринимали это как само собой разумеющееся, потеряв голову после нескольких поцелуев. Уж Ксения, по крайней мере, точно знала, что никогда еще не хотела мужчину так сильно. Ее трясло как в самой жестокой лихорадке. Она стонала и всхлипывала в его объятиях от счастливых предчувствий и боялась только одного – как бы не умереть от перехлестывавших через край эмоций.

В какой-то момент она едва сдержалась, чтобы не назвать его по имени. «Максим, Максим, – молила она мысленно, – не останавливайся, не бросай меня!» И, точно слыша ее молчаливые призывы, он продолжал ласкать ее с такой небывалой страстью и бешеным восторгом, что Ксения окончательно потеряла всякое представление о времени и пространстве, сдаваясь на милость охватившему ее желанию. Она не знала, не помнила, не хотела ничего и никого, кроме человека с ослепительно белой прядью в темных волосах, который держал ее в своих объятиях и, похоже, готов был выпить без остатка.

Мелькнула мысль, что его объятия и ласки становятся все бесстыднее и порочнее. При других условиях и с другим мужчиной именно так она бы их и восприняла. Но Максим был тем самым исключением, которого она хотела чуть ли не с первой секунды их первой встречи – лишь сейчас она позволила себе признаться в этом. Хотела, как никакого другого мужчину в своей спокойной, безмятежной жизни. Только теперь она поняла, какой эта жизнь была спокойной и безмятежной до появления в грязном, вонючем кабаке человека, которого она, казалось, могла полюбить, если бы...

Если бы что? Она резко отстранилась от Максима, испугавшись такого поворота мыслей. О какой любви может идти речь? Ничего, кроме слепого, животного вожделения, нет и не будет

в их отношениях. Этот мимолетный и неосознанный сдвиг по фазе быстро излечат завтрашние проблемы. А они у обоих, судя по всему, существуют в параллельных мирах и никогда не пересекутся даже в воображении. Ведь это противоречит всем законам, по которым выстроена ее жизнь, выверенная чуть ли не до микрона, выстраданная потом и кровью, слезами и миллионами загубленных нервных клеток...

– Ты что? – мгновенно насторожился Максим, и Ксения почувствовала, как затвердели мускулы у него на спине. – Я чем-то обидел тебя?

Вместо ответа она потянула «молнию» на брюках. Они тотчас послушно упали на пол. И Ксения, нетерпеливо прижавшись к его губам, переступила ногами, освобождаясь от них и приглашая мужчину к более решительным действиям.

Максим понял намек. Они словно соревновались на скорость избавления от одежды, жадно рассматривая друг друга без всякого стыда и смущения.

– Ты, говоришь, рожала, – он опять коснулся ее груди, а потом бережно накрыл ее ладонью, – но по тебе не скажешь. Кожа как у девочки!

– А ты любишь девочек? – Она обхватила его за плечи и заглянула в глаза. – Юных плюшек с грудью до талии?

– Плюшек не любят, ими пользуются, – вполне серьезно ответил он. – Я же люблю зрелых женщин, опытных и раскрепощенных, не комплексующих по поводу своей внешности и возраста.

– Я не комплексую. – Она слегка отстранилась.

– А я не имею в виду тебя. Ты-то еще дашь сто очков вперед своей дочери.

– Только не ври. – Она шлепнула его по груди, хотя чувствовала – он не врет. Он действительно думает, что она еще ничего себе!

Его ладонь слегка раздвинула ее ноги, и Ксения почувствовала его настойчивые пальцы внутри себя.

Глубоко вздохнув от наслаждения, она прижалась губами к его груди и стала осторожно водить по ней языком, ощущая солоноватый вкус и запах его кожи. На каждое движение его пальцев она отвечала томительным стоном. Ее бедра извивались, будто она просила проникнуть в нее глубже, мощнее и не прекращать этого сводящего с ума, дразнящего и заводящего ее путешествия, пока она не запросит пощады.

На какое-то время Максим отпустил ее, и она с удивлением поняла, что лежит на жестком полу, на собственных брюках, а откуда-то из угла доносится приглушенное гудение вентилятора. Она открыла глаза и встретила взглядом с Максимом.

Он засмеялся:

– Прости, но ноги подогнулись у нас одновременно, поэтому я не смог тебя удержать.

Ксения улыбнулась в ответ. Она и не предполагала, что можно так хорошо себя чувствовать с незнакомым человеком, лежа на затоптанном полу убогого номера в убогой гостинице убогой, нищей страны. Они неотрывно смотрели друг на друга.

– Подожди, я достану презервативы... – хрипло произнес Максим.

Ксения кивнула, чувствуя, как заныл живот – так сильно она хотела Максима. Во рту пересохло, и она пожалела, что не захватила с собой пепси или сока.

– Скорее, я уже не могу... – прошептала она. – Хочу тебя... просто нет сил... – У нее действительно не осталось сил даже на то, чтобы удивиться столь необычному для себя откровению.

Максим подхватил ее на руки и перенес на кровать. Затем исчез в ванной и вернулся так быстро, что она не успела ни о чем подумать. И навалился на нее всем телом, покрывая ее лицо, шею, грудь короткими, торопливыми поцелуями. Ксения нетерпеливо раздвинула ноги.

– Не спеши, – прошептал он и провел ладонью по гладкой коже бедер, заставляя ее согнуть ноги в коленях. – Ты вся как... – Он словно поперхнулся и задержал дыхание, когда

почувствовал ее слегка дрожащие пальцы на себе. – Не бойся, со мной все в порядке. – И вошел в нее быстро и нежно, потом отступил и сделал это снова, уже более резко и сильно, отчего она вскрикнула и, приподнявшись на локтях, закинула голову назад.

Максим ласково погладил ее грудь и прошептал:

– Так как же все-таки тебя зовут?

– Что? – пробормотала она.

– Как тебя зовут, скажи мне. – Он задвигался в ней, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, повторяя раз за разом:

– Скажи, скажи...

Все плыло у нее перед глазами, она задыхалась от собственных стонов, почти всхлипов, а он все не успокаивался, целуя и упрашивая назвать ее имя.

– Нет, не сейчас, – простонала она умоляюще и перевернулась на живот. Теперь его движения в ней стали ощущаться еще острее. Уже не стесняясь, она вскрикивала в голос, стонала и умоляла не останавливаться.

Впившись зубами в подушку, чтобы окончательно не переполошить своими криками гостиницу, она приподнялась на колени, и Максим, словно выпустив наружу свою дикую натуру, схватил ее за бедра, и она почти потеряла сознание, переживая каждый его толчок, будто огненную вспышку, пронзавшую мозг и приносившую огромное наслаждение. Кровать скрипела, спинка ее ходила ходуном и с шумом ударялась о голую стену. Крики и стоны разносились по всей комнате. Но любовники уже бросились в омут страсти, и только от них самих зависело, выплывут они из него или нет.

* * *

Максим зажег сигарету и глубоко вдохнул сизый дым. Он уже выкурил то количество сигарет, что позволял себе ежедневно, однако не мог отказать себе еще в одном удовольствии – продлить наслаждение, подаренное ему этой незнакомой, но лучшей из всех женщин в его жизни.

Какой она была смелой и горячеей! Она завела его с полуоборота, не дав ни единого шанса отступить или задуматься о последствиях этой бурно проведенной ночи. Она требовала и отдавала, бесстыдно и в то же время целомудренно. Он не услышал от нее грязных слов, на которые так щедра была Аня при всей ее внешней кротости. Его незнакомка оказалась во много раз красивее и ласковее. Даже ее необузданность казалась ему естественной и желанной. И этот взрыв эмоций камня на камне не оставил от его отдающего цинизмом легкого отношения к женщинам. Прежде, опасаясь лишних хлопот, он бы и не подумал узнать ее имя. А сейчас только об этом и мыслил. Кто она такая? Как ее зовут?

Он рассчитывал спросить об этом раньше, но она мгновенно заснула, как только он ее отпустил. Жалко было ее будить. Пока. Но вскоре он сделает это обязательно, и тогда ей наверняка понадобятся силы, чтобы исполнить все, чего он от нее захочет.

Максим взгляделся в лицо женщины. Похоже, она младше его, но ненамного. Сейчас она казалась ему еще красивее, чем тогда в баре. Напряжение отпустило, мягкая улыбка блуждала по губам, словно и во сне она переживала мгновения страсти. При одном воспоминании об этом Максима вновь охватило желание. Заметив ее в баре, он даже не помышлял, что все у них так чудесно сладится, особенно в постели.

И опять тревога закралась в его сердце. Какие потрясения заставили эту сногшибательную женщину забыть о здравом смысле, переступить через приличия и подарить ему удивительную ночь?

Что побудило ее пойти с незнакомым человеком и отдаться ему без остатка? Душевный кризис? Несчастье? Недавняя трагедия? Скука и одиночество? Или, может, она настолько раз-

вратна и хитра, что сумела обвести его вокруг пальца ради своих низменных интересов? Он содрогнулся от отвращения: все те гнусности, что ему довелось испытать, – совсем не повод подозревать эту женщину. В таких вещах интуиция его не подводила, и он надеялся, что не подведет и на этот раз.

Он осторожно погладил ее по голове. Она тут же открыла глаза и с наслаждением потянулась.

– Ну, теперь ты мне скажешь? – лениво протянул он, одновременно изучая мельчайшие детали ее лица, каждого ее движения и жеста.

– Скажу – что? – Голос у нее был низким, а сама она казалась более спокойной и расслабленной.

И чрезвычайно довольной.

– Свое имя. – Максим просунул руку под одеяло и погладил ее бедро.

Ксения вздохнула, сонно пробормотала:

– Утром скажу, – и попросила: – Пожалуйста, погладь мне спину. Когда ты прикоснулся к ней в баре, я чуть не умерла от блаженства.

– Честно сказать, я боялся, что ты умрешь позже – в постели, – улыбнулся Максим.

– В постели была уже агония, – весело парировала она и зажмурилась, как котенок, от удовольствия, когда его пальцы принялись нежно массировать спину вдоль позвоночника и между лопатками. – М-м-м, просто восхитительно...

– Не понимаю, почему ты не хочешь назвать себя, – настаивал Максим, не прекращая своего занятия. – К чему эти тайны? Или ты кого-то боишься?

Ее чуть припухшие от поцелуев губы изогнулись в улыбке.

«Господи, она сводит меня с ума!» – с восторгом поставил себе диагноз Максим.

– Ты считаешь, что утром мы все еще будем вместе? – промурлыкала она и повернулась к нему лицом.

– Ты не забыла, что это моя комната и у тебя ни за какие коврижки не получится выдворить меня отсюда, – сухо напомнил он.

– Просто мне хочется поиграть в секреты. Неужели не понятно?

Он не смог не улыбнуться:

– Ладно, поиграй в свои секреты, но утром – берегись! Я досконально изучу твой паспорт и все, что к нему прилагается.

Непонятно почему, но его слова вызвали у нее приступ смеха. Она была очаровательна, когда смеялась, а ведь в баре показалась ему такой грустной и серьезной!

– Мне нравится, когда ты смеешься, – признался он, – но еще больше, когда стонешь под мной...

Внезапно он почувствовал, что ее тело напряглось. Она закрыла глаза:

– Тебе правда нравится?

– Правда. Очень...

Она покраснела и потерлась щекой об его плечо.

– Обычно... я веду себя тихо...

Он погладил ее по голове и обнял за плечи. Ее стыдливость заставляла Максима вести себя несколько покровительственно по отношению к ней.

– Что ж, я только рад, что сегодня ты была другой. – И он поцеловал ее в макушку, как ребенка.

– И еще... – Она опять замолчала и облизала губы.

– Не бойся, продолжай. – Он вновь стал поглаживать ее спину и почувствовал, что в нем возникает желание, но больше не хотел набрасываться на нее, как в первый раз. Сейчас это произойдет гораздо медленнее и нежнее. – Что ты хотела сказать?

– Мне нравится, как стонешь ты. Ну, словом, мне показалось, что это тебе тоже безумно нравится.

– Нравится? – насмешливо переспросил он. – Мягко сказано. У меня крыша от тебя поехала и до сих пор не вернулась обратно. Если бы меня придавил бульдозер, обрушились стены или провалился пол, клянусь, я бы даже не заметил этого.

– Конечно, ты преувеличиваешь, – произнесла она задумчиво, – но я тоже знаю, что со мной ничего подобного никогда не было. Обычно все не так – проще и быстрее...

– Да, – тихо согласился он, – проще и обыкновеннее.

Максим сжал ее ладонь, и она медленно перевернулась на спину. Он услышал глубокий вздох, когда его губы прижались к ее теплой груди. Он нежно ласкал ее, опускаясь все ниже и ниже...

– Что ты делаешь! – вскрикнула она, невольно выгибаясь навстречу его пальцам.

– А как ты думаешь? – пробормотал он, раздвигая ей ноги.

Взгляды их встретились, и он понимающе улыбнулся. Сейчас она выглядела возбужденной, а не растерянной. Их взаимное влечение оказалось гораздо сильнее, чем они представляли.

– Неужели ты опять... – засомневалась она, но уже обхватила его поясницу ногами.

– А ты попробуй останови меня...

Он вошел в нее. Она вздрогнула и выгнулась ему навстречу, еле найдя силы пробурчать в ответ:

– Только у меня и дел, что тебя останавливать...

* * *

Максим проснулся от яркого дневного света. Шторы на окнах были не задернуты, и комнату заливало утреннее солнце. Обычно он спал очень чутко, но после такой ночи... Изнурительная страсть, полное удовлетворение погрузили его в беспробудный, сродни наркотическому, сон. Не замечая бивших прямо в глаза солнечных лучей, не обращая внимания на нарастающую с каждой минутой жару, он продолжал лежать неподвижно, наслаждаясь блаженным покоем, какого не испытывал уже много лет. Вернее, не помнил, когда еще испытывал подобный восторг и восхищение. Эта женщина... Она, казалось, вывернула его наизнанку и чуть не погубила.

Но он совсем не сердился на нее. Лежа с закрытыми глазами, он улыбался и только что не пускал слюни от счастья, как грудной младенец. Ее руки, губы, шепот, разгоряченное желанием лицо...

Максим вздохнул и проглотил вязкую слюну. Неужто он снова хочет ее? Может, и вправду... А потом они еще поспят...

– Похоже, ты доведешь меня до реанимации, – пробормотал Максим, поворачиваясь на бок, чтобы посмотреть на свою вчерашнюю незнакомку и пожелать ей доброго утра...

Но рядом никого не оказалось.

Он широко открыл глаза от изумления и огляделся. Да, он был один – среди смятых простыней.

В комнате, кроме него, никого не было. Максим хотел позвать ее, но вспомнил, что не знает имени.

Чертыхнувшись, он вскочил на ноги. В ванной ее тоже не оказалось, и все ее вещи – сумочка, туфли, одежда – исчезли.

Однако он был уверен, что эта женщина ему не приснилась. Узкий серебряный браслет все еще лежал на столике, прикрытый его рубашкой. По-видимому, она сильно торопилась и решила не искать его, выскользнула из комнаты, когда Максим спал.

Он посмотрел на часы и выругался. Одиннадцать! С тех пор как она от него убежала, могло пройти уже несколько часов.

Привыкнув к быстрым и решительным действиям – как и к тому, что в любой ситуации следует поступать хладнокровно и разумно, – Максим побрился, умылся, оделся, побросал в сумку вещи и позвонил дежурному. Он описал незнакомку и попросил выяснить, не видел ли кто-нибудь ее сегодня утром. Прекрасно понимая, что служащим гостиницы нет никакого дела до его страстной любви, он заявил, что дама украла у него бумажник, а потому найти ее необходимо. В глубине души он надеялся, что она простит ему это обвинение. Но тем не менее все больше и больше злился на нее.

Какого черта она смоталась, не сказав ни слова на прощание? Или для нее это обычное дело? А может, боялась посмотреть ему в глаза после их совместного ночного бесстыдства? Вряд ли она настолько глупа, чтобы подумать, что после такой ночи им будет неловко друг перед другом. Или она просто использовала его, обвела вокруг пальца, как последнего молодкососа, чтобы как-то убить время?

Пошла с ним, чтобы избавиться от скуки?

– Черта с два! – с негодованием проворчал он. – Еще никто и никогда не использовал Макса Богуша вместо болванчика.

Внезапно осознав, что его шутка с украденным бумажником может оказаться правдой, он полез в карман пиджака. Деньги и документы были на месте. Следовательно, она приходила к нему не с целью что-нибудь украсть. Слава богу, иначе он чувствовал бы себя оплеванным.

Запах ее волос, ее тела, аромат пережитой недавно страсти все еще витал в воздухе. Неожиданно для себя Максим бросился на постель, прижался к подушке, на которой она спала, и зарылся в нее лицом. Подумать только, он даже не знает ее имени...

Громкий звонок телефона вызвал резкий прилив адреналина в кровь. Ее нашли! В мгновение ока он вскочил на ноги и, перепрыгнув через кровать, схватил трубку:

– Да!

– Господин Богуш, – послышался голос начальника охраны гостиницы, – вас спрашивает водитель. Он ждет уже больше часа...

О, черт! Они все-таки прислали за ним машину.

А он забыл об угрожавшей ему опасности. Но интересно, кто на этот раз водитель? Рустам или кто-то из «псов» Садыкова?

– Передайте, пусть подождет, – приказал Максим. – Через пару минут я спущусь. Мне нужно знать, нашли ли вы ту женщину...

– Но в нашей гостинице нет такой женщины, как вы описали...

– Продолжайте искать! – рявкнул Максим и, повесив трубку, вышел из комнаты.

Он умел задавать вопросы так, чтобы получать нужные ответы, умел он и выслеживать тех, кто предпочел бы остаться непойманным. Но эта женщина будто и впрямь растворилась в воздухе.

Хотя она и сказала, что у нее нет номера в гостинице, он все же заставил мрачного администратора просмотреть всю картотеку, надеясь отыскать имя женщины, в одиночестве просидевшей весь вечер в гостиничном баре. Никто из obsługi не видел таинственную незнакомку с Максимом, и никто не заметил, чтобы какая-нибудь женщина покидала гостиницу рано утром. Кроме того, Богуш и сам точно не знал, когда именно она ушла. Знал только, что после четырех утра – именно в это время он заснул мертвым сном.

Что касается бармена, то он хорошо помнил вчерашнюю посетительницу. Однако, по его словам, видел ее впервые и поэтому не имел понятия, кто она и откуда. В городе было еще две гостиницы, и Максим проверил обе, но безрезультатно.

Через час бесконечных вопросов и телефонных звонков Максим понял, что поиски не дадут никаких результатов. Скорее всего, женщина согласилась пойти к нему в номер, зная,

что рано утром убежит. Потому-то и имя обещала назвать только утром! «Давай обойдемся без имен...»

– Ну что ж, остается надеяться, что ты сама неплохо развлеклась, хотя и оставила меня в дураках... – Максим отбросил смятую пачку от сигарет.

За время поисков он выкурил свой двухдневный лимит.

Без сомнения, это была самая невероятная и прекрасная ночь в его жизни, но он пообещал себе, что забудет ее. Как только уберется подальше из этого мерзкого городишки и не менее мерзкой страны. Но прежде надо было решить, как сделать это без особых проблем.

Глава 5

– К сожалению, нет, Егор. – Голос Ксении прозвучал резко, и на мгновение ей стало стыдно. Ведь он беспокоится о ней, что ж в этом плохого? Он любит ее. По-своему, возможно, даже не хочет признаваться в этом не только ей, но и себе. Сегодня она поняла это по тому беспокойству, с каким он воспринял известие, что Ксения остается в Баджустане, пока не разыщет съемочную группу. Она слишком хорошо знала своих друзей. Они не могли исчезнуть просто так, не известив ее. Обнаружив утром, что они не появились в аэропорту, Ксения поначалу даже не слишком заволновалась, решив, что ребята заночевали в гостинице. Но когда из-за них пришлось пропустить рейс на Москву, да еще в справочной ей сказали, что других рейсов до конца недели не намечается из-за отсутствия топлива, Ксения запаниковала.

Но ненадолго. Она понимала, что эмоциями проблему не решить. И позвонила Егору. Связь была отвратительной, но Ксения поняла, что ей решительно и безапелляционно приказывают возвращаться обратно.

– Наша служба безопасности займется выяснением обстоятельств исчезновения ребят, – вполне резонно объяснял Егор. – Они более подготовлены к подобным ситуациям, более компетентны. Ты дилетантка и можешь все испортить.

– Но пока твои спецы приедут, с ребятами черт-те что может случиться! – грубо прокричала она в трубку. – Я выйду непосредственно на президента и его службу безопасности.

– Не глупи, – рассердился Егор, – и прекрати заниматься самодеятельностью! Найди достаточно безопасное место и сиди, дожидайся наших. И носа не высовывай! Прошу тебя, дорогая!

И тогда Ксения решительно сказала «нет!», потому что сердцем чувствовала: с ребятами случилось что-то непредвиденное, от них не зависевшее. Иначе они нашли бы способ сообщить о себе. Меньше всего ей хотелось думать о них как о заложниках или похищенных – таким промыслом местные жители не занимались. Но все когда-то происходит в первый раз, и где гарантия, что Володя и Олег не сидят сейчас в какой-нибудь вонючей темной яме?

Конечно, она была не в восторге оттого, что придется задержаться в Ашкене еще на несколько дней.

И хотя не слишком верила в то, что говорила, попыталась быть убедительной:

– Прости, Егор, я не хотела тебе грубить. Поверь, я очень ценю твою заботу и сама не рада, что нужно остаться. Но ты прекрасно знаешь, я – единственная, кто сумеет что-то внятно объяснить Арипову и добиться, чтобы розыском ребят занималась не кишлячная милиция, а президентская служба безопасности. Я попробую его убедить, что исчезновение съемочной группы ведущего российского телеканала может вызвать нежелательную реакцию СМИ и существенно повлиять на его имидж как президента в глазах мировой общественности.

– Мировой общественности на твой Баджустан и на Арипова в том числе на ... – рявкнул Егор, – я беспокоюсь о твоей безопасности и сам порву на куски этого недоноска, если с тобой что-то случится!

И тогда она соврала:

– За мою безопасность не волнуйся. Я наняла телохранителя. Очень впечатляюще выглядит.

Егор, казалось, на мгновение потерял дар речи.

Сквозь шорохи, треск и бульканье международной связи до нее донеслось нечто, похожее на всхлип, который издает захлебывающийся человек, затем кашель, а потом голос Егора, основательно изменившийся:

– Совсем дура баба с ума сошла! Какого на ... телохранителя? Что значит «впечатляюще выглядит»?

– Егор, если ты будешь разговаривать со мной матом, я брошу трубку. Что касается «впечатляюще», я неправильно выразилась, он выглядит скорее угрожающе. Еще тот мордоворот!

– О боже! Где ты его откопала? Надеюсь, он не из местных джигитов?

– Нет, родной, российский, – вдохновенно врала Ксения. – Монтировал охранную систему во дворце президента. Арипов о нем хорошего мнения. Говорит, служил в каких-то жутко секретных войсках. Первоклассный специалист по безопасности. Хорошо знает Баджустан.

– А вот с этой публикой поосторожнее. Сколько ты пообещала платить этому «специалисту»? И как его зовут? Я попрошу ребят, они проверят, что он собой представляет.

Как его зовут? Вот об этом-то она и не хотела сообщать Егору. К тому же понятия не имела, сколько платят за такие услуги, тем более когда находятся на вулкане типа Баджустана. Поэтому Ксения принялась дуть в трубку и кричать:

– Тебя не слышно! Говори громче!

И, когда яростный рев Егора чуть не разорвал ее барабанные перепонки, с облегчением бросила трубку.

Конечно же, она была не в восторге от перспективы остаться в этой стране. Ведь придется прилагать определенные усилия, чтобы не встретиться вновь с человеком, мысли о котором не дают ей покоя вот уже несколько часов, с того самого момента, как она тайком улизнула из его комнаты.

Нет! Ксения решительно тряхнула головой. Что бы она ни испытывала сейчас, дело – прежде всего. И она сумеет отодвинуть чувства на второй план.

Правда, она понятия не имела, с чего начинать поиски ребят. Ей совершенно не хотелось обращаться за помощью к дяде Фархату. Ксения знала, кому он поручит заниматься поисками исчезнувшей съемочной группы.

Наверняка Аликперу Садыкову, этому жирному коту с сальными губами и потными ладонями. Ей уже пришлось однажды почувствовать его лапы на своих коленях, и с тех пор она не могла вспоминать о нем без чувства брезгливости. А он даже не понял, с чего вдруг она взъярилась и отвесила ему пощечину. Местные женщины внимание бывшего начальника КГБ бывшей автономной республики воспринимали как награду, причем очень молодые и очень хорошенькие женщины. По слухам, в его особняке в самом центре Ашкена проживало до тридцати, а то и больше наложниц – целый гарем. И говорят, не все азиатского происхождения.

С одной стороны, Ксения не представляла, у кого можно получить информацию о том, что же на самом деле произошло с ее друзьями. С другой – она не могла даже вообразить, что придется вернуться в «Мургаб». Слишком много воспоминаний, и довольно постыдных. Одна лишь мысль снова оказаться в гостинице, где она совершила самый необъяснимый, самый сумасбродный поступок в своей жизни, лишала ее обычной рассудительности и благоразумия. В то же время Ксении совсем не хотелось быть гостьей Фархата Арипова, мелкого тирана, помимо прочих его титулов и званий. Но, к сожалению, в Ашкене для нее были только два варианта жилья: «Мургаб» и президентский дворец – и ни одного друга, с кем можно было поделиться тревогами и опасениями. Что ж, из двух зол придется выбирать меньшее и идти под крылышко к дяде Фархату. Честно сказать, она все еще надеялась, что он не даст ее в обиду и постарается помочь...

Она вышла из здания телеграфа и медленно побрела вдоль многочисленных лавочек и торговцев, раскинувших свои товары прямо на тротуарах. Жара стояла невыносимая, и Ксения, представив себя со стороны, ужаснулась: потная, со слипшимися волосами, в несвежей, пропотевшей насквозь майке, в грязных брюках... Нет, прежде чем забивать себе голову ничемными переживаниями, надо подумать об удобной, немаркой сменной одежде. Через полчаса она нашла то, что искала: легкие полотняные брюки цвета хаки, несколько маек того же цвета, тонкий свитер с длинными рукавами и высоким воротом, непромокаемую куртку с мно-

жестом карманов на кнопках и на «молниях» и легкие кожаные кроссовки. Подумав, купила еще светлую бейсболку и косынку, которую повязала на шею, чтобы не обгореть. Затем переоделась в общественном туалете, не обращая внимания на удивленные взгляды местных кумушек в расписных шароварах и ярких шелковых платьях. Многие женщины носили паранджу, и Ксения даже передернулась, представив на мгновение, каково им за пыльной и душной сеткой. «Почти как в тюрьме, большую часть жизни за решеткой», – подумала она и вышла на улицу.

Чтобы отвлечься от мыслей о Максиме, она еще раз прокрутила в голове разговор с Егором. Обычно он вел себя очень сдержанно, особенно когда не хотел вступать в бесполезный спор или отвечать на ее не слишком тактичное замечание. Но сегодня он был вне себя и не стеснялся в выражениях. Вероятно, он и вправду любит ее. Ведь намекал же он на что-то подобное, когда их отношения только-только завязались. А она так безбожно его высмеяла, что он тоже перевел все в шутку и никогда более не заикался о своих чувствах, только все чаще и чаще стал приходить к ней пьяным...

И она вдруг виновато подумала, что все эти годы не испытывала к нему пылких чувств. Их связь Ксения воспринимала как осознанную необходимость, как часть имиджа, который был ей необходим, чтобы утвердиться на Центральном телевидении. Да и что скрывать, его поддержка тоже сыграла определенную роль в том, что она перестала чувствовать себя затравленной, одинокой, никому не нужной в этом беспощадном мире.

Да, она держится за Егора потому, что успела испытать, что такое одиночество. И если она не сможет вновь полюбить кого-то, почему бы не выйти замуж за Егора? В принципе он неплохой человек. У него интеллигентные родители. Он хорошо относится к ней, и она, пожалуй, еще успеет родить ему ребенка...

Но почему, как только она начинает думать о человеке, с которым спала уже несколько лет, тут же наплывают, вернее, врываются в сознание воспоминания о другом мужчине, с которым она провела единственную, но безумно восхитительную ночь в безобразном гостиничном номере? Сейчас это казалось фантастическим, нереальным... Неужто она могла так поступить? Наверняка здесь сыграла свою роль гремучая смесь из коньяка и антималярийных препаратов, которые она принимала ежедневно... Но на груди и под ключицей остались следы его поцелуев, она разглядела это в зеркале, когда переодевалась. А кожа до сих пор словно загоралась от его прикосновений, стоило ей только на мгновение вспомнить, как все происходило.

Его голос до сих пор звучал в ее ушах, она помнила его запах, как будто оставила его спящим всего несколько минут назад, и его взгляд помнила, и ленивую, слегка поддразнивающую улыбку. Господи! Ксения едва сдержалась, чтобы не застонать от нахлынувшего вдруг желания. Как бы ей хотелось очутиться рядом с ним, почувствовать вновь на своей груди его руки и губы, что целовали ее столь неистово и вместе с тем нежно...

И уже в который раз рассердилась на саму себя. До каких пор она будет заниматься самоедством? Почему позволяет шальным и нелепым мыслям бродить в голове? В ее положении они совершенно недопустимы и мешают сосредоточиться на главном – спасении ее товарищей, которые, Ксения уже не сомневалась, попали в беду. К тому же она попросту боялась этой встречи. Боялась, что не сможет посмотреть ему в глаза. Не сумеет заговорить с ним...

Однако, если она до сих пор не сумела найти для себя оправдания за то, что умудрилась переспать с первым встречным, отчего ж ее трясло от одной мысли, что придется вернуться к Егору и снова лечь в его постель? Да, он умело обнимал и целовал ее, и на ласки был щедр, и на подарки, но почему она не вела себя с ним так, как с Максимом Богушем в затрапезном номере? Почему, случись у нее с Егором нечто подобное тому, что произошло прошлой ночью, утром она не смогла бы смотреть ему в глаза? Может, потому, что Егор даже в подпитии никогда не забывал о приличиях, никогда не выходил за рамки, в которые она сама же его затолкала...

«Иногда нужно побыть безрассудной, – подумала она грустно. – И отрицать это бессмысленно».

И хотя она, слава богу, еще в состоянии контролировать свои эмоции и сделает все, чтобы ничтожная вероятность встречи с Максимом превратилась в невозможность, в глубине ее души теплилась крошечная, совсем призрачная надежда, что они все-таки хоть когда-нибудь встретятся... Не здесь, не сейчас, а в том, другом мире, где у них будет возможность понять друг друга и объясниться.

А пока... Закрыв глаза, Ксения медленно, словно сомнамбула, шла по горячей мостовой. Подошвы кроссовок прилипали к асфальту. Заунывный речитатив муэдзинов и призывные вопли торговцев, визгливые сигналы автомобилей, пытавшихся пробиться сквозь людскую толпу, разноголосая восточная сумятица – все вдруг отодвинулось куда-то, отгородилось звуконепроницаемой стеной. Теперь она слышала только себя, как она кричала, визжала и даже кусалась, когда Максим брал ее – грубо, нетерпеливо, а она умирала от наслаждения! И ей было плевать, слышит ее кто-нибудь или нет...

И окажись он сейчас рядом, она точно так же целовала бы его в губы, грудь, живот, а потом опустилась бы на колени...

– О господи! – в ужасе застонала она. Как ей справиться с этим безумием? Как навсегда выбросить из памяти это бесстыдство?

– Что случилось, госпожа Остроумова? С вами все в порядке? – вдруг прозвучал рядом вкрадчивый голос.

И она, вздрогнув от неожиданности, открыла глаза.

Из джипа, перегородившего ей дорогу, выглядывала лоснившаяся на солнце довольная физиономия Алиппера Садыкова. Два его молодчика стояли возле задней дверцы, услужливо ее придерживая.

– М-м-м? – только и сумела она выдавить из себя от удивления и тут же спохватилась, закивала, как китайский болванчик. – А, да-да. Все в полном порядке, спасибо.

– Вы так покраснелись, я даже испугался, что вас хватит солнечный удар.

– Нет-нет. Я просто... просто я слегка переутомилась.

– Да, наша жара трудно переносится, особенно теми, кто всю жизнь прожил в средней полосе. – И предложил учтиво: – Могу подвезти вас, куда скажете. У меня в машине кондиционер. Хотите сок или вино, на выбор? Соглашайтесь, Ксения.

– Нет-нет, что вы, не стоит беспокоиться, – залепетала она беспомощно, поняв вдруг, что эта встреча отнюдь не случайна.

Но молодчики уже подхватили ее под локти и втолкнули в машину.

– Сиди и не трепыхайся, – приказал сквозь зубы Садыков и кивнул шоферу: – Поехали! – Потом повернулся к ней, окинул брезгливым взглядом. – Ну что, сдашь кошелек добровольно или будешь запираешься?

– К-к-какой кошелек? – с трудом выговорила она.

– Значит, будешь запираешься, – обрадовался неизвестно чему Садыков и рассмеялся. – Что ж, это даже интересно!..

Глава 6

Юрий Иванович Костин поднялся рано утром и после обычного для себя завтрака – двух сваренных всмятку яиц и чашки кофе – заглянул в записную книжку и вышел в город. Он вернулся в «Мургаб» задумчивым и рассеянным, так что, когда Анята заехала за ним на автомобиле, принадлежавшем миссии Красного Креста и Красного Полумесяца, большую часть пути они молчали. У ворот российского военного городка их остановили, но после разговора по телефону дежурный капитан на КПП дал знак солдату, и тот пропустил машину в массивные зеленые ворота с красной звездой на каждой створке.

Они подъехали к штабу дивизии. Костин вышел из машины и скрылся в здании, но вскоре появился в компании невысокого крепыша в камуфляже и с полковничьими звездами на погонах.

– Познакомьтесь, Анята, это мой старый товарищ по Афганистану, полковник Горбатов.

Полковник расплылся в радостной улыбке и стал тискать ее ладонь, не сводя восхищенного взгляда с лица девушки.

– О-очень приятно! Горбатов. Из тех самых, про которых всю жизнь так и говорят: «Горбатова могила исправит!» Это, значит, по части любви к женщинам и того, что на радость нам дано! – Он звонко щелкнул себя по горлу и подмигнул Костину.

– Не обращайтесь внимания, Анята, – улыбнулся Костин, – единственное, от чего он без ума, так это от своих бэтээров. Говорят, что даже питаться стал в последнее время, как и они, соляжкой. Поэтому вроде им горячего стало не хватать. А в том, что полковник заводится с полуоборота, вы еще убедитесь. Периодически он обзывает бэтээры нецензурными словами, но однажды я видел, как он просил у них прощения. Поверьте, Анята, это было еще то зрелище!

– Нет, вы посмотрите, каков мерзавец! Лучшего друга закладывает! – с негодованием в голосе воскликнул Горбатов и обратил умоляющий взор на Аняту: – Аняточка, милая, ради бога, не верьте этому проходимцу. Я ведь знаю его как облупленного. Просто он смертельно боится, что я вас отобью. А я сделаю это непременно. Хотите, начнем прямо сейчас?

Анята рассмеялась и взглянула на Костина:

– А что, стоит попробовать, Юрий Иванович?

– Попробуйте, – развел руками Костин. – Он же вам заявил: «Горбатова могила исправит!» – и не отступит, пока кому-нибудь рога не наставит. Только скажи по правде, Володька, – Костин хитро прищурился, – сколько раз тебя этими рогами под нежное место поддевали, не помнишь?

– Все, я понял! – поднял ладони вверх Горбатов. – Гвардия не сдастся, а приглашает всех отобедать в ресторан под названием «У трака»...

Ресторан оказался обыкновенной офицерской столовой, но очень уютной и чистенькой. Они расположились в дальнем конце зала и заказали сухое вино, фрукты и мороженое. Горбатов помешал ложечкой расплывшееся в вазочке розоватое месиво, бывшее недавно клубничным мороженым, и неожиданно серьезно посмотрел на Костина:

– Кажется, кое-кто окончательно спятил от местной жары. Пришел приказ – срочно привести в полную боевую готовность даже вышедшие из строя машины, те, что должны были отправить на металлолом. Одну старушку мы на днях подняли из руин. Утром я ее осмотрел, а после обеда уже слышу, меня отправляют на полигон, на испытания. С полным боекомплектom. – Горбатов печально вздохнул. – А я-то мечтал к маманьке забуриться на пару недель. Она у меня под Саратовом живет. Пять минут пробежаться – и Волга! Это тебе не местный арык, где глистов больше, чем самой аш два о! Водичка – как ладони у девочки! Обнимет тебя нежно, ласково и что-то шепчет, шепчет... – Он мечтательно улыбнулся и слизнул с ложки мороженое.

Костин посмотрел на него заинтересованно:

– Что-нибудь серьезное?

Горбатов пожал плечами:

– Не думаю. Просто начальство решило, что мы тут с жиру бесимся, вот и заставило потясти курдюками.

Костин сделал глоток из своего бокала и вытер салфеткой губы.

– Володя, если позволишь, я хочу кое-что уточнить. Ты слышал о человеке по фамилии Рахимов?

– Сулеймен Рахимов? – удивленно переспросил Горбатов. – Официально считается, что он погиб. В прошлом году люди Арипова прижали его в горах. Там были крупные стычки, и пленных не брали. Мы не вмешивались, потому что приказов никаких не поступало. Поэтому наши танки простояли на приколе. А Рахимов якобы погиб при невыясненных обстоятельствах. Об этом сообщили проариповские газеты. – Он недоуменно поднял брови. – С чего ты им заинтересовался?

– Да ходят слухи, что он жив, – ответил Костин, – я услышал об этом сегодня утром.

Горбатов внимательно посмотрел на него:

– Кажется, теперь я кое-что понимаю. Наши генералы лишних телодвижений не совершают.

– Юрий Иванович, вы заметили? Прошлой ночью в городе было много войск, – произнесла тихо Анюта, – просто кошмар какой-то! Они до утра орали под окнами миссии и стучали какими-то железяками.

– Да, я заметил. – Костин пристально посмотрел на Горбатова. – Расскажи, что ты знаешь о Рахимове.

– Не строй из себя девочку, – усмехнулся Горбатов, – ты знаешь все лучше меня.

– А может, мне хочется услышать мнение других?

– Так кто же все-таки этот Рахимов? У нас в миссии почему-то стараются о нем не говорить, – встряла в разговор Анюта.

– Кость в горле Арипова, – мрачно посмотрел на нее полковник Горбатов. – Причем Арипов обзывает его бандитом, а Рахимов предпочитал называть себя патриотом – вождем оппозиции, если не отцом нации. Но по отношению к России он был настроен более лояльно, поэтому там, наверху, – он многозначительно закатил глаза, – уже, видно, что-то пронюхали, и вся эта суматоха с ремонтом техники неспроста.

– Говорят, до того, как сообщили о его смерти, он хотя и скрывался в горах, но доставлял Арипову немало хлопот, – опять подала голос Анюта. – Правда, до последнего времени никаких новостей о нем не поступало. Вполне возможно, что он и вправду погиб.

– Я думаю, у него хватило ума воспользоваться слухами о своей смерти, залечь на дно и основательно подкопить силы, – усмехнулся Костин.

– А может, он болел или был ранен? – Анюта обвела мужчин вопросительным взглядом.

– Вполне вероятно, – Костин переглянулся с Горбатовым. – И все-таки каковы твои соображения?

– Какие у меня могут быть соображения? – ответил тот уклончиво и посмотрел сквозь бокал с вином на Костина. – Просвечиваешь, поганец? И не стыдно тебе старинного кореша под монастырь подводить?

– Под монастырь? – рассмеялся Костин. – Я что, государственные тайны заставляю тебя выдавать? Или ты присягу давал на верность Арипову? По-моему, что ты, что я на одной флейте играем и заботимся, чтобы меньше крыс на наших границах плодилось.

– Ладно, не убеждай, – отмахнулся Горбатов, – и не считай меня идиотом. Мы с тобой подобных крыс вот так насмотрелись! – Он провел ребром ладони по горлу и наклонился к Костину: – В дивизии все повязаны специальным приказом. А по нему следует, что мы никоим

образом не должны вмешиваться в местные дела и даже интересоваться ими. Наше дело – держать границу на замке. Здесь стоит только сунуть свой нос, как сразу окажешься в таком дерьме! Были у нас случаи, в основном с рядовыми. Их мгновенно выслали в Россию и на год или два засадили за решетку. Но даже это лучше, чем попасть в руки Садыкова. В команде Арипова он самый главный головорез – начальник охраны, бывший гэбист.

– Понятно, – Костин разлил остатки вина по бокалам, – что ж, прошу прощения. Я и не представлял, в какой вонючей дыре ты исполняешь свой гражданский долг.

– Вонючее не бывает, – вздохнул Горбатов и залпом прикончил содержимое своего бокала. – Прости, конечно, но я заметил: как только на горизонте появляешься ты – жди беды.

– Как раз наоборот, я появляюсь там, где случилась беда. Она всегда приходит первой. – Костин вдруг резко переменял тему: – Кстати, хочу тебя обрадовать. Твой любимый писатель, как его, Ташковский, остановился в одной гостинице со мной. Сегодня видел его в баре. Он пытался избавиться от похмелья с помощью сырых яиц и флакона шотландского виски.

Полковник досадливо махнул рукой и склонился к Костину.

– Думаешь, у меня сейчас есть время что-то читать? Признайся, Юрка, ты ведь не в отпуске, а?

– На кой ляд тебе знать это, Вольдемар? Возможно, у меня здесь личный интерес... – Костин покосился на Анюту.

– Я бы поверил, – усмехнулся Горбатов, – но ты слишком часто вешал мне лапшу на уши. Скажи только, ты нашел здесь то, что искал?

– Знаешь, очень боюсь, что нашел...

* * *

Садыков, видно, приказал особо не церемониться и прикончить его в первом же безлюдном переулке. Но наверняка не предупредил, с кем его громилам – водителю и охраннику – придется иметь дело. Поэтому они так неосмотрительно вывели Максима из машины: возможно, боялись, чистюли, испачкать сиденья. Схватка длилась четверть минуты. Еще одна минута ушла на то, чтобы оттащить к пересохшему арыку и сбросить вниз оба трупа, один с перебитым кадыком, второй – с неестественно вывернутой шеей. А через две минуты ровно Максим Богуш вел трофейную машину по направлению к российской военной базе. Теперь он чувствовал себя более уверенно: два конфискованных ствола радовали душу и приятно оттягивали карманы.

Толчея на улицах не позволяла ехать быстро. Полуголые мальчишки, рискуя быть задавленными, перебегали дорогу прямо перед автомобилем. Конные повозки, груженные дынями и арбузами, ишаки с сидевшими верхом на них аксакалами, женщины в парандже и с непременно узлом на голове, полуразбитые грузовики, на которых восседали местные джигиты, заросшие густыми бородами по самые глаза, одетые в овечьи папахи и пестрые ватные халаты... Все это создавало немыслимые пробки. Кругом стоял невообразимый шум. Словом, обычная для Ашкена суэта. Максим даже засомневался, не приснились ли ему войска, заполонившие ночью ближние к дворцу улицы и площадь.

Нет, не приснились, подумал он, объезжая внезапно вынырнувшие из боковой улицы два бронетранспортера. Они перекрыли проезд, а выскочившие из них солдаты с автоматами на изготовку принялись что-то орать и размахивать руками, заворачивая потоки людей в обратную сторону. И Максим вдруг понял, что вся масса народа двигалась в одном с ним направлении – из города...

Предприняв массу ухищрений, он все же выбрался из Ашкена и, прибавив скорости, вздохнул с облегчением.

Дорога все время ползла вверх, петляла среди нагромождения камней, изъеденных ветровой эрозией скал и редких деревьев, с трудом цеплявшихся корнями за бесплодную почву. Но Максим знал, что через пару километров она нырнет в небольшую долину. По дну ее текла река, которая ниже по течению разбегалась на множество арыков и каналов, чтобы напоить тысячи и тысячи гектаров хлопковых полей. Но тут, в горах, она была еще полноводной и не загаженной удобрениями. В советские времена вблизи реки и на ее берегах располагались санатории для передовиков сельского хозяйства и пионерские лагеря.

Сейчас этого не было и в помине, только российская военная база разместилась на невысоком плато, с которого хорошо просматривались подходы к границе и небольшой участок территории Афганистана.

Изредка по краям дороги мелькали редкие полуразвалившиеся саманные домишки с разрушенными дувалами, из-за которых торчали скрюченные шелковицы и жалкие чинары. Жители крошечных кишлаков давно уже покинули эти края, предпочитая нищенствовать в городе, чем умирать с голоду в родных местах.

За все время движения Максим не заметил ни одного живого существа, кроме большой змеи, медленно переползавшей дорогу, да нескольких крупных птиц, паривших в белесом от жары небе.

Внезапно он увидел человека, чрезвычайно худого, всем своим видом напоминавшего сухую урючину, только с редкой седоватой бородкой. Он возился возле ветхой саманной хижины с плоской крышей – выносил из нее старые одеяла, потертые ковры, алюминиевую посуду и грузил все в тележку, запряженную маленьким невозмутимым осликом.

– Вы уезжаете отсюда? – спросил его Максим на местном наречии.

Человек взглянул на Максима. Он был не так уж и стар. Но Максим знал, что внешность местных жителей – весьма обманчивая штука. На вид ему около шестидесяти, а на самом деле могло оказаться сорок.

– Что тебе надо, шурави? – с легким оттенком презрения ответил человек. – Какое тебе дело, чем я занимаюсь?

Максим молча проглотил «шурави», вытащил из кармана пачку сигарет и протянул мужчине.

Тот с удивлением посмотрел на него, но пачку взял и сунул за пазуху.

– Переезжаешь? – опять спросил Максим и закурил.

Мужчина неохотно ответил:

– Переезжаю. – Он махнул рукой в сторону гор. – Рахимов идет оттуда, шурави. Это будет сильнее землетрясения.

– Так ты боишься Рахимова или землетрясения?

Мужчина пожал плечами.

– Кто его знает! – ответил он уклончиво и повторил: – Рахимов придет с гор после землетрясения.

– С чего ты взял?

Мужчина усмехнулся:

– Об этом знают все вокруг.

– А когда это случится?

Мужчина посмотрел на безоблачное небо, потом наклонился, взял щепотку пыли, потер ее между пальцев:

– Завтра или послезавтра, не позже.

Он подошел к ишаку, что-то тихо сказал ему, и тот медленно потащил меж камней повозку, груженную нищенским скарбом.

Максим растерянно проследил взглядом, как скрывается за камнями пыльный тюрбан его недавнего собеседника, и вернулся к машине.

У ворот базы его остановил рослый сержант, наверняка из контрактников, в камуфляже, бронежилете, каске, с полной боевой выкладкой.

– Назад! – приказал он и повел дулом автомата в сторону, показывая, где должен остановиться автомобиль.

– Что за черт? – рассердился Максим. – Что здесь происходит?

Сержант сжал губы и резко произнес:

– Я кому сказал – назад!

Максим открыл дверцу машины и вылез наружу.

Сержант отошел на пару шагов в сторону. Максим поднял голову. С вышек, находившихся по обеим сторонам ворот, прямо на него смотрели рыльца крупнокалиберных пулеметов.

– Что вам нужно? – грозно спросил сержант.

– Я – российский подданный, полковник в отставке Богуш Максим Александрович. Мне необходимо увидеться с командующим.

– Документы, – произнес сержант бесцветным голосом.

Максим достал паспорт. Сержант даже не сделал попытки подойти ближе.

– Бросьте его на землю.

Максим выполнил приказ.

– Теперь отойдите.

Максим медленно отступил на десяток шагов назад. Сержант подошел к паспорту и поднял его, не сводя глаз с Богуша. Он открыл документ, тщательно проверил и только тогда сказал:

– Все в порядке, товарищ полковник!

– Что же все-таки происходит?

Сержант передвинул автомат на плечо и подошел ближе.

– Да вот отцы командиры решили провести учения. Проверяют безопасность базы. Капитан наблюдает за моими действиями.

Максим хмыкнул и сел в машину. Сержант наклонился к окошечку, стрельнул у Максима сигаретку и почти по-дружески посоветовал:

– Въезжайте в ворота не слишком быстро. Пулеметы заряжены боевыми патронами. – Он сокрушенно покачал головой. – Непременно кого-нибудь угробят с этими х... учениями.

– Надеюсь, не меня! – усмехнулся Максим.

Лицо сержанта оживилось.

– Может, капитану всадят в задницу. – Он весело махнул рукой. – Проезжай!

Глава 7

Пока Максим ехал к зданию, где размещался штаб, он убедился, что база готовится перейти на осадное положение. Все военные, от рядовых до офицеров, были в боевом снаряжении, пулеметные гнезда окружены мешками с песком, зенитные установки расчехлены, а наиболее важные объекты затянуты камуфляжными сетками, в том числе и несколько бронетранспортеров с работающими двигателями. На мгновение Максим решил, что старик прав и Рахимов действительно пошел в наступление, но тут же подумал, что это может оказаться очередной дезинформацией, как и слухи о грядущем землетрясении.

Командующий базой, генерал-майор Катаев, принял его после получасового допроса, который учинил Максиму рыжеватый майор с толстыми веснушчатыми пальцами. Он задумчиво постукивал ими по столу на протяжении всей беседы. Скорость постукивания слегка изменилась, когда Максим сообщил, чем на самом деле он занимался во дворце Арипова и как его «отблагодарили» за столь неоценимую услугу.

– Хорошо, я организую вам встречу с командующим, – наконец сказал майор, – но придется подождать. – Он криво усмехнулся. – Вы должны понимать, что немного нехстати со своими проблемами.

– Поначалу я всегда бываю нехстати, – весьма галантно улыбнулся в ответ Максим, – так что я уже привык...

За это время он еще раз прокрутил в голове то, о чем хотел сообщить командующему.

Только информация, и никаких эмоций... В его чувствах и интуиции Катаев не нуждался.

Кабинет генерала был оазисом спокойствия в эпицентре бури. Здание штаба гудело, как потревоженное осиное гнездо, но у командующего царили мир и тишина. Поверхность стола, громадное пространство полированного дерева, была чистой и гладкой, как озеро в ясную погоду. На нем не лежало ни единой бумаги, а ручки и остро заточенные карандаши казались навечно замурованными по стойке «смирно» в подставке из горного хрусталя. Генерал-майор сидел за столом, подтянутый и аккуратный, и смотрел на Максима холодно и слегка надменно. Рядом стоял майор, руки за спиной. В отличие от карандашей он, видно, получил команду «Вольно!».

Катаев жестом показал Максиму на стул и неторопливо произнес:

– Мне о вас рассказывал Верьясов. Оказывается, вы с ним сослуживцы. Группа «Омега» и так далее...

– Скорее «Омега» и все такое прочее. Для меня, естественно. Полковник Верьясов перешел на дипломатическую работу, я на ней не удержался...

– Слыхал, – усмехнулся Катаев и вновь жестко посмотрел на него, потом перевел взгляд на майора: – Распорядись насчет чая. Непременно зеленого.

Максим подумал, что о его вкусах не спросили, но не особо расстроился. Чаю так чаю. Зеленого так зеленого. Сейчас ему было абсолютно все равно...

Так же как и то, о чем рассказал генералу Сергей Верьясов, советник российского посла по культуре, единственный человек на свете, которому он доверял, как самому себе. И точно знал, что Серега не расскажет больше положенного даже этому генералу с каменным лицом.

Принесли чай. Генерал сделал глоток и отставил чашку в сторону.

– Давайте выкладывайте, что вам нужно?

– Мне нужно выбраться в Россию.

– Легко сказать. Я хочу этого не меньше вашего, – вздохнул Катаев. – Неужели вы не видите, что творится вокруг? Два часа назад в стране введено военное положение. Новый виток гражданской войны между оппозицией и нынешним правительством. Вот почему база сейчас в состоянии повышенной боевой готовности. Весь личный состав находится внутри. Женщин

и детей мы отправили в Россию неделю назад, под предлогом, что они едут отдыхать в пионерские лагеря и санатории. То же самое в посольстве. Заложили окна и двери мешками с песком... Кроме того, я получил приказ эвакуировать посольство из Ашкена, если в том будет нужда. Вам, как российскому гражданину, я тоже обязан предоставить убежище на случай военных действий.

– Рахимов спускается с гор? – вырвалось у Максима.

– Что вы сказали? – удивился генерал.

– Я слышал, что Рахимов спускается с гор и движется к Ашкену. Говорят, он будет здесь после землетрясения.

Командующий настороженно посмотрел на него:

– И вы туда же? Из посольства меня предупредили, что среди населения ходят такие слухи, но мои сейсмологи еще ни разу меня не подвели. Сегодня утром мне докладывал начальник метеослужбы: никаких природных катаклизмов не предвидится. – Он хлопнул ладонью по столу. – А что касается Рахимова – все может быть. Судя по всему, он не погиб. Ариповская пропаганда любит выдавать желаемое за действительное. Час назад в этом кабинете состоялся нелिцеприятный разговор с одним из фаворитов Арипова, Садыковым. По его словам, президент Баджустана подозревает Россию в том, что она снабжает оппозицию оружием. Через нас, естественно. Садыков – верный цепной пес Арипова, и он очень решительно настроен против российского военного присутствия в Баджустане.

– Руки у него короткие! – усмехнулся Максим, вспомнив двух громил, навечно упокоившихся в вонючем арыке. – Он прекрасно понимает: пока наши войска стоят на границе с Афганистаном, реальной власти ему не видать до морковкина заговенья. – И невинно посмотрел на Катаева: – А вы действительно снабжаете Рахимова оружием?

Генерал рассвирепел:

– С чего вы взяли, черт вас побери! У меня строгие указания на этот счет. Президент открыто заявил на последнем Азиатском саммите, что наша политика здесь – препятствовать контрабанде наркотиков из Афганистана и никоим образом не вмешиваться во внутренние разборки местных баев. – Командующий самым внимательным образом изучил тыльную сторону своих ладоней, смерил Максима тяжелым взглядом и глухо закончил: – Мы с вами зелеными сопляками были, когда советские войска вошли в Афганистан. Это отбросило нашу азиатскую политику на полсотни лет назад. Не стоит повторять ошибок. Баджустан хоть и мелкая блошка, но неприятностей может преподнести не на один год.

– Я понимаю, – согласился Максим и вопросительно посмотрел на генерала. – Разрешите идти?

Катаев неожиданно улыбнулся:

– О возвращении в Россию пока и речи быть не может, надеюсь, вы соображаете почему? Но покидать базу сейчас, когда возникла прямая угроза войны, тоже слишком опрометчиво. Приглашаю воспользоваться нашим гостеприимством. Здесь вы будете в безопасности, по крайней мере, головорезы Садыкова вас не достанут.

– Простите, товарищ генерал. – Максим поднялся из-за стола. – Я непременно воспользуюсь вашим гостеприимством, но сами понимаете, я не привык отсиживаться за чужими спинами. Мне...

– Можете не продолжать, – перебил его Катаев, – никто и не позволит вам сесть нам на шею. Обычно я не разъясняю своим подчиненным причины своих решений, но вы, Богуш, не мой подчиненный, и я могу только просить вас об услуге. Час назад мне позвонили из администрации нашего президента и попросили помочь в одном деле.

Генерал вышел из-за стола и, сцепив руки за спиной, остановился напротив Максима. Они оказались одного роста, и генеральский взгляд некоторое время испытывал на прочность взгляд Максима.

– Ты телевизор часто смотришь? – неожиданно перешел он на «ты», словно показывая тем самым уровень своего доверия.

– Совсем не смотрю, – усмехнулся Максим. – Я от этой говорильни тупею.

– Не скажи, – произнес задумчиво генерал, – есть очень даже толковые программы! Например, «Личное мнение» Ксении Остроумовой.

– Я предпочитаю иметь собственное мнение, чем слушать чье-то личное, тем более бабье, – усмехнулся Максим. – Все они там исключительные балаболки!

– Но заметь, очень красивые балаболки! – рассмеялся генерал и пододвинул Максиму несколько фотографий. – Мне нужна твоя помощь! Вчера в Ашкене пропала съемочная группа Центрального телевидения. Как раз та самая, Ксении Остроумовой. Сначала исчезли оператор и режиссер, но, по нашим сведениям, они в горах, в отрядах оппозиции. И, похоже, добровольно. Ты же знаешь эту братию! Жизнь положат на алтарь очередной сенсации.

– А что с женщиной? – спросил Максим и лениво повел взглядом по фотографиям.

– В том-то и дело! Сегодня утром она переговорила по телефону с одним из руководителей телекомпании, но связь прервалась. И исчезла, словно кошка ее языком слизнула, испарилась среди бела дня. Из аэропорта уехала, в гостинице не появлялась... – Генерал взял одну из фотографий, подал ее Максиму. – Ты все-таки посмотри на нее. Говорят, она из тех женщин, которые ни при каких обстоятельствах не теряют головы. Этаким крепкий орешек, с которым трудно сладить...

– Она что ж, боксер тяжелого веса? – попытался съязвить Максим и посмотрел на снимок повнимательнее. То, что он увидел, в одно мгновение перевернуло все с ног на голову. С фотографии на него глядела улыбающаяся троица: два бородатых субъекта в темных очках, один из них держал в руках профессиональную видеокамеру, второй – микрофон... и спокойная красивая блондинка, обнимавшая парней за плечи.

И это была она!

Разве мог он забыть эти глаза? На фотографии они казались гораздо ярче, чем в сумраке бара. А взгляд, полный нежности и страсти? Он до сих пор помнил запах ее волос, на фотографии они были длиннее, и атласную шелковистость ее кожи, вздрагивающей под его пальцами... И поцелуи помнил, когда она, склонившись, коснулась его лба, потом губ, шеи, груди... Господи, какая она была горячая и бесстыдная, там у окна...

– Что случилось? – Генерал заглянул через его руку. – Ты ее знаешь?

Максим с трудом проглотил слюну:

– Эта дама... это и есть Ксения Остроумова?

– Да. – Генерал окинул его внимательным взглядом. – Ты что, встречался с ней раньше?

– М-м-м! Как сказать... – В голове у него был сплошной туман. Он не соображал, что с ним происходит, не знал, что ответить генералу. Наконец нашелся: – Кажется, я действительно видел ее в какой-то передаче.

Максим почувствовал мгновенную, ничем не объяснимую боль в груди, словно от предчувствия новой, невозполнимой утраты. Итак, женщина в гостинице «Мургаб» была не кем иным, как Ксенией Остроумовой, звездой российского телевидения.

Лет десять-двенадцать назад она вела какую-то детскую передачу, и вся их группа исправно, раз в неделю, если позволяли обстоятельства, с упоением наблюдала за приключениями плюшевых зверушек и их веселой подружки Ксюши. Командование не запрещало, ребята тем самым спасались от стрессов и нервных перегрузок, и он в числе прочих тоже был слегка влюблен в голубоглазую красавицу, сознавая, что ему до нее так же далеко, как и до полной победы коммунизма... Потому и не узнал ее в баре, что предположить не мог, чтобы его давняя мечта спустилась со звездного Олимпа на эту вонючую, выжженную солнцем землю...

Нет, теперь он уже точно ничего не понимал!

Как могла Ксения Остроумова оказаться той грустной, одинокой женщиной, пытавшейся напиться в грязном дешевом баре? У нее не было ни сменного белья, ни номера в гостинице, ни имени... «Давай обойдемся без имен», – сказала она ему и сделала все так, как хотела!

Максим бросил фотографию на стол, и она, скользнув по гладкой поверхности, приземлилась у генеральских ног. Не обращая внимания на его удивленный взгляд, Максим залпом выпил остатки чая и с глухим стуком опустил чашку на стол.

Ярость, как озверевшая от голода волчица, рвала его на части. Эта мадам не назвала своего имени, потому что боялась, что он станет ее преследовать и в конце концов достанет своими ухаживаниями или, того хуже, будет шантажировать... Возможно, в ее среде это в порядке вещей. Там, где правят деньги, обходятся без лишних церемоний и сантиментов. И именно потому она убежала от него, не простившись, пока он спал? Господи, неужели она могла так о нем думать после того, что они пережили вместе?

Скверное настроение, от которого Максим пытался отделаться весь день, не шло ни в какое сравнение с яростью, захватившей его сознание. Она решила, что если звезда, так ей все позволено?! Что она может поиграть с человеком, а потом просто выбросить, если он ей надоест?

– Прости, полковник, – ворвался в его сознание генеральский бас, – но мне не слишком нравится твоя реакция на эту даму.

– Все в порядке! – пробормотал Максим и взял другую фотографию, где Ксения держала перед Ариповым микрофон и мило улыбалась в объектив. – Но по правде, я несколько не готов...

– К чему именно? – Катаев вернулся в свое кресло и недовольно уставился на него. – Вопрос поставлен на государственном уровне, и не мне тебя, Богуш, учить и лишний раз объяснять, что необходимо делать! Бабу надо выручать! Но поначалу хотя бы выяснить ее местонахождение.

«Как вы это себе представляете? – хотелось спросить Максиму. – Может, с Садыкова начать? Совета у мерзавца попросить, где искать телезвезду Ксению Остроумову?»

Но на самом деле он ничего подобного не сказал, лишь посмотрел в глаза генералу.

– Я сделаю все, чтобы ее найти, товарищ генерал, но для этого мне кое-что потребуется...

Генерал внимательно выслушал, заверив, что с его стороны Максим может рассчитывать на всяческую поддержку и действенную помощь, конечно, в пределах допустимого и не свыше его генеральских полномочий. На том и расстались, полностью удовлетворенные исходом дела. Командующий радовался, что свалил с себя очередной груз ответственности, Максим знал, что сделает все от него зависящее, чтобы найти эту сучку из высшего общества и показать ей, как следует обращаться с людьми! Он достанет эту дрянь даже из-под земли. И в следующий раз она будет знать, что после того, как провела с человеком ночь, следует хотя бы попрощаться с ним...

Глава 8

– Привет! – слышалось ей сквозь темноту, и кто-то несколько раз, но не сильно похлопал ее по щекам. Ксения с трудом разлепила веки и тут же зажмурилась от яркого света, бывшего прямо в лицо. Напротив кто-то сидел, похоже, мужчина. Его лицо скрывалось в тени от абажура. Он курил и, закинув ногу на ногу, покачивал носком ботинка из хорошей кожи.

Ксения попыталась отклониться от луча света и чуть не упала. Оказывается, на заведенных назад руках у нее были надеты наручники, да вдобавок ко всему ее еще и к стулу привязали крест-накрест веревками. Она попробовала пошевелиться, но безуспешно – привязали ее крепко.

– Привет, – прозвучало вновь почти ласково с противоположного конца комнаты, и Ксения поняла, что мужчина напротив нее – Аликпер Садыков. – Как вы себя чувствуете?

– Превосходно! – Ксения исподлобья посмотрела на него. – Что вы себе позволяете, Садыков? Уберите сейчас же свет!

– Слушаю и повинуюсь. – Он что-то быстро приказал на родном языке, и лампы моментально погасли. Ксения облегченно вздохнула. Некоторое время она видела все вокруг сквозь наслоение черных пятен, да под веками резало, словно туда насыпали песку...

– Прошу прощения.

Садыков встал и подошел к ней. Прошелся пальцами по веревке, словно проверил надежность узлов, и навис над ней массивным торсом. От него несло застарелым запахом чеснока и перегара, и Ксения невольно дернулась на стуле, пытаясь уклониться от потока мерзкой вони.

– Что, не нравится? – усмехнулся Садыков и, склонившись, приблизил к ней почти вплотную круглое одутловатое лицо, изрытое следами юношеских угрей и покрытое мелкими бусинками пота.

Хищно сверкнул золотой зуб – Садыков осклабился, заметив, как заерзала на сиденье Ксения, пытаясь уклониться от его зловонного дыхания.

– Не нравится, – сердито проворчала она, стараясь не встречаться взглядом с маленькими черными глазками в обрамлении толстых век. – На каком основании вы похитили меня? Что вам, спрашивается, надо?

– Что нам, спрашивается, надо? – Садыков медленно вернулся на свое место и принялся задумчиво постукивать указательным пальцем по столешнице, игриво при этом приговаривая: – Что нам надо? Что нам надо? Шоколада... – И вдруг лицо его мгновенно исказилось от гнева, и он стукнул кулаком по столешнице так, что подпрыгнула настольная лампа. – Мне необходимо знать, как твои люди попали в горы? Вы с самого начала замыслили эту авантюру?

– Какую авантюру? – несказанно удивилась Ксения. – Какие люди?

– Твоя съемочная группа! – проревел, уже не скрывая ярости, Садыков. – Та самая группа, с которой ты снимала сладенький фильм об Арипове!

– Ребята в горах? – воскликнула она потрясенно, а про себя подумала, что это очень даже похоже на двух негодяев, которые решили ее не подставлять и все-таки выполнить задание редакции и встретиться с лидером оппозиции. Но каковы мерзавцы! Как ловко обвели ее вокруг пальца! Она даже секунды не сомневалась, что они отправились на рынок прикупить фруктов... Мерзавцы! Но и молодцы, если им удалось то, что задумали...

– Ты – хорошая актриса! – усмехнулся Садыков. – Но я не прощаю, когда со мной ведут двойную игру! Я заставлю твоих друзей спуститься вниз.

– Интересно, каким образом? – спросила Ксения. – Неужто на парашюте?

– Зачем? – Узкие глаза превратились в почти невидимые щелочки, и Садыков произнес уже более спокойно: – Они сами придут за тобой, когда получат видеокассету, где ты будешь умолять их спасти тебя.

– Я никого не буду умолять, – произнесла сквозь зубы Ксения.

– Будешь! – Желтый металл вновь блеснул во рту Садыкова. – Мои аскеры заставят. – Он обернулся и кивнул кому-то, скрывавшемуся в сумраке за его спиной. И тут же, словно джинн из лампы, появился здоровенный малый с длинным узким ножом в руках.

Садыков кивнул на него:

– Сначала он поразвлекется с твоими щечками, потом с губами, потом отрежет одно ушко, другое... Если и это не поможет, займется глазками, а в перерывах тебя будет трахать по очереди вся моя гвардия. Им плевать, как ты будешь выглядеть. Или, скорее всего, я брошу тебя в камеру к двум ублюдкам, которые страдают одной знойной болезнью и с радостью ею с тобой поделятся. И учти, видеокассета попадет не только к твоим друзьям, но и к Егору Кантемирову. Вот уж обрадуется твой любовничек! Пряма спасу нет, как обрадуется!

– Ты, сволочь! Арипов знает, что ты затеял? – Ксения попыталась вскочить на ноги, забыв, что привязана к стулу, и вместе с ним повалилась на пол.

– Ах ты, бедная моя! – съехидничал Садыков и приказал малому с ножом: – Подними ее.

Тот молча выполнил приказание и снова отступил в тень. Садыков подошел к женщине и, ухватив ее за волосы, развернул лицом к себе.

– Арипов знает ровно столько, сколько ему положено знать. – Вновь поток вони обдал ее лицо. – Сегодня утром он приказал мне найти тебя во что бы то ни стало и обеспечить твою безопасность. Но сама понимаешь, все наши усилия оказались напрасны. Ксения Остроумова исчезла бесследно. Возможно, ее тело сейчас рвут на кусочки шакалы или крысы... Это ведь только Аллаху да мне известно, где ты находишься!

Ксения помотала головой, стараясь не выдать отчаяния. Она не понаслышке знала, на что способны головорезы Садыкова, и понимала, что вряд ли получится вырваться из их лап живой и невредимой. И неожиданно вспомнила лицо Максима. В тот самый момент, когда он смотрел на нее в зеркало. И вдруг успокоилась. Пока ничего страшного не произошло, если не считать того, что она связана по рукам и ногам. Возможно, стоит немного потянуть время...

– Ребята действительно у Рахимова или это только ваши предположения? – справилась она на всякий случай.

– Предположения, не лишены основания, – усмехнулся Садыков, – но это не имеет значения. Рано или поздно они ответят на мой вопрос: кто помог им выбраться из города и проскользнуть мимо постов на дорогах. И я думаю, вы уже согласны помочь мне в этом благородном деле?

Ксения облизала пересохшие губы.

– Вы считаете, что я могу сойти за Иуду?

– Куда ты денешься? – махнул рукой Садыков. – Сыграешь, как миленькая. Иначе я ведь тебя не только изуродую, но еще и ославлю, как самую примитивную воровку.

– Воровку? – задыхнулась от негодования Ксения. – На что это ты опять намекаешь?

– На то и намекаю, – с явным злорадством усмехнулся Садыков. – Вспомни, с кем сегодня ночью трахалась? Говорят, с таким упоением и восторгом, что позавидовать можно. – Он потер ладони и ощерился в скабрёзной ухмылке. – Так вот, твой ночной дружок утром сделал заявление, что ты его обокрала. Стибрила, так сказать, кошелек с крупной суммой денег!

– Кошелек?! – Ксении показалось, что она летит куда-то в пропасть. Неимоверным усилием воли она заставила себя успокоиться и спросила почти безразлично: – Что за ерунду вы городите, господин Садыков? Какой ночной друг? Какой еще, к черту, кошелек?

– Ты, оказывается, плохо меня знаешь, Ксюша Остроумова, – с ласковой улыбкой на устах, но с издевкой в голосе произнес Садыков, – неужто я б оставил тебя без наблюдения? Да мне каждый твой шаг известен с того момента, как ты еще решала, поехать или не поехать в Баджустан... К тому же твой ночной... – он со смаком произнес неприличное слово, – тоже не воспитанник детского сада. К слову, – мучитель посмотрел на часы, – мои орлы...

В дверь постучали, и Садыков, прервав свой садистский спич, резко выкрикнул какое-то короткое слово, видно, приказал стучавшему войти. Через секунду на пороге возник здоровенный детина в камуфляже и черном берете. Он что-то быстро доложил Садыкову. И Ксения увидела, как тот побагровел и взревел по-русски:

– Тв-вою мать!

И дальше на голову вошедшего обрушилась такая мощная лавина непечатных слов и выражений, что Ксения даже покачала головой от изумления, подивившись чрезвычайно богатому словарному запасу бывшего гэбиста. Садыков потрясал кулаками и стучал ногами так, что казалось, еще минута – и пол под ним не выдержит, провалится. Но не провалился.

Зато столешницу он проломил ударом кулака, отчего лампа скатилась на пол и разбилась. Посланец, принесший дурные новости, стоял вытянувшись, и даже сквозь сильный загар и дремучую щетину было заметно, как проступили на его лице багровые пятна. Наконец Садыков прекратил метаться по комнате и брызгать слюной и приказал телохранителю:

– Эту суку пока в подвал, – кивнул он на Ксению, – а того мерзавца достать из-под земли, иначе я вас всех самолично урою!.. – Он вновь грязно выругался, а Ксения обрадованно подумала, что судьба дает ей небольшую передышку, а может, и отсрочку исполнения гнусных угроз Садыкова. И все благодаря неизвестному «мерзавцу», который, видимо, крепко наступил на мозоль не только самому начальнику службы безопасности, но и его «псам» в черных беретах.

* * *

Костин завез Анюту в «Мургаб» и велел дожидаться его возвращения во что бы то ни стало. Девушка пыталась возражать, но он лишь строго посмотрел на нее и сказал:

– Анюта, в городе введено военное положение. Мы позвоним в миссию, когда я вернусь, и объясним твое отсутствие. А пока не предпринимай никаких действий, иначе я не отвечаю за последствия...

Некоторое время спустя он уже вел машину по улицам Ашкена, направляясь к российскому посольству.

Улицы были непривычно пусты, и местный рынок, обычно наполненный шумом и гамом восточной суеты и неразберихи, тоже был закрыт и тих. Солдат не было видно, но патрули из местных полицейских ходили группами по четыре человека и встречались на каждом шагу. Впрочем, делать им было особо нечего, так как оставшееся в городе население пряталось за высокими дувалами и за воротами и ставнями окон своих домов.

Костин остановил машину на красный свет. И тут же заметил человека в пестром азиатском халате и надвинутой на самые глаза чалме. Человек быстро сбежал с тротуара, подошел вплотную к его автомобилю и, склонившись, заглянул в окно салона. Костин вздрогнул. На него смотрели темные глаза Анютиного знакомого, того самого... Недолго думая, он распахнул дверцу, и Богуш скользнул на сиденье.

– Что случилось? – Костин, похоже, совсем не удивился столь странному наряду Максима.

– Если пытаешься пробраться к посольству, то напрасно теряешь время. Там двойная стена танков и бэтэров, – произнес Максим сквозь зубы. – Из города тоже не вырваться.

– Что-то серьезное? – Костин развернул автомобиль и остановился в тени огромного платана.

– Серьезнее не бывает. – Максим окинул его внимательным взглядом. – Ты действительно приехал сюда на охоту?

Костин усмехнулся:

– Не в том смысле, как это обычно понимают.

– Понял, – быстро произнес Максим, – двадцатое августа?

– Двадцатое августа, – посмотрел на него Костин. – Я помню тебя. Ты был тогда желторотым юнцом, а я уже успел побывать в Сирии и Анголе...

– О, черт! – Максим стукнул себя ладонью по лбу. – Тарантул? Ты учил меня работать ножом? Но как же?.. – Он окинул быстрым взглядом пижонистый костюм Костина.

Тот пожал плечами:

– Иногда приходится и бабочку цеплять на шею ради дела. – И требовательно посмотрел на Богуша: – Докладывай, что случилось?

Чуть больше минуты Максиму понадобилось, чтобы изложить суть задания, которое он получил от генерала, умолчав, правда, о подлинных мотивах, почему он вдруг решил заняться поисками Ксении Остроумовой в этом гадючнике.

Костин задумчиво посмотрел на него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.